

Линкольн Чайлд
Из глубины
Серия «Джереми Логан», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17181880

Из глубины : роман / Линкольн Чайлд: Азбука, Азбука-Амтикус; Санкт-Петербург; 2016

ISBN 978-5-389-11144-8

Аннотация

На глубине 12 000 футов в Атлантическом океане исследователи обнаруживают нечто совершенно удивительное. Величайшая археологическая находка в истории? Или что-то такое, с чем еще не приходилось сталкиваться человечеству? В обстановке сверх секретности ученые приступают к изучению странных артефактов, однако внезапно всех, кто работает на исследовательской базе на дне океана, поражают странные болезни. На базу срочно вызывают бывшего военного врача Питера Крейна, который постепенно начинает понимать, что медицинские проблемы – лишь малая часть огромной проблемы, которая угрожает самому существованию человеческой цивилизации.

Содержание

Пролог	5
1	8
2	12
3	15
4	19
5	22
6	27
7	32
8	35
9	38
10	43
11	49
12	53
13	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Линкольн Чайлд Из глубины

Lincoln Child

DEEP STORM

Copyright © Lincoln Child, 2007

All rights reserved

This translation is published by arrangement with Doubleday, an imprint of The Knopf Doubleday Publishing Group, a division of Random House LLC

© Н. Губина, перевод, 2016

© В. Ненов, иллюстрация на обложке, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Нефтедобывающая платформа «Сторм кинг».

Где-то у берегов Гренландии

Чтобы работать на нефтяной платформе, надо быть особым человеком, решил Кевин Линденгуд. Человеком с мозгами набекрень.

Линденгуд мрачно сидел перед своим пультом в центре управления бурением. Снаружи, за прочными окнами, в Северном море металась буря, мешанина черного и белого. Над поверхностью воды взлетали соленые брызги и бурлила разъяренная пена.

Северное море всегда кажется разъяренным. Неважно, что нефтедобывающая платформа «Сторм кинг» возвышается над волнами более чем на тысячу футов, – простор океана делает ее крохотной игрушкой, которую в любой момент может смыть волна.

– Как скребок? – спросил Джон Уэрри, менеджер шельфовой установки.

Линденгуд взглянул на свой пульт:

– Сигнал четкий. Минус семьдесят один, поднимается.

– Труба?

– Все показатели в пределах нормы. Похоже, все в порядке.

Он снова поднял глаза к покрытым каплями темным окнам. Платформа «Сторм кинг» – самая северная на нефтяном месторождении Брент. Где-то там, в шестидесяти с лишним милях к полюсу, земля или то, что в этих краях считается ею, – Ангмагссалик, Гренландия. Хотя в такой день, как сегодня, кажется, что, кроме океана, на планете больше и нет ничего.

Да, чтобы работать на платформе, надо иметь мозги набекрень (здесь, к несчастью, всегда одни мужчины и только изредка появляются немногочисленные женщины – менеджеры по связям с общественностью и психотерапевты; они прилетают на вертолете и, удивившись, что у всех все в порядке, поскорее отбывают). И каждый, похоже, тащит с собой свою долю незавершенных дел, или какие-нибудь причуды, или заботливо лелеемый невроз. Иначе что может заставить человека наняться на железный ящик, висящий над ледяным морем на нескольких стальных зубочистках? Работать, не зная, когда разразится чудовищный шторм, подхватит тебя и бросит в забвение? Все любят говорить, что ехать на нефтедобывающую платформу заставляет высокая зарплата, но и на твердой земле хватает профессий, за которые платят почти так же хорошо. Нет, правда в том, что каждый приехал, чтобы бежать от чего-то или, что еще страшнее, бежать к чему-то.

На пульте вдруг раздался тихий писк.

– Скребок прошел вторую.

– Ясно, – отозвался Уэрри.

За пультом рядом с Линденгудом Фред Хикс хрустнул костяшками пальцев и взялся за джойстик на своей панели:

– Ставлю скребок над буровым окном номер три.

Линденгуд бросил на него взгляд. Хикс, дежурный инженер-технолог, – яркий пример вышесказанного. У него был MP3-плеер, iPod первого поколения, в котором хранились лишь тридцать две фортепианные сонаты Бетховена. Хикс слушал их постоянно, без остановки, днем и ночью, на смене и в свободное время, снова и снова. И подпевал себе под нос, издавая тихие глухие звуки. Линденгуд, как и все остальные на платформе «Сторм кинг», уже слышал все сонаты не раз и даже запомнил каждую – в виде мурлыканья Хикса.

Линденгуд считал, что мурлыканье не принесло бы исполнителю музыкального признания.

– Скребок над третьей, – объявил Хикс.

Он поправил крохотные наушники в ушах и продолжил мурлыкать сонату «Вальдштейн».

– Опускай! – скомандовал менеджер.

– Есть.

Линденгуд повернулся к своему пульту.

В центре управления бурением их было всего трое. Огромная установка в то утро напоминала город-призрак. Насосы молчали, рабочие и бурильщики находились в жилом блоке – смотрели спутниковое телевидение в кают-компаниях или играли в пинбол и настольный теннис. Был последний день месяца, когда работы полностью останавливались, а электромагнитные скребки чистили трубы в скважинах.

Во всех десяти.

Прошло десять минут, потом двадцать. Хикс стал мурлыкать в другом темпе, прибавив в сопении и ритме. Похоже, соната «Вальдштейн» закончилась и начался «Хаммерклавир».

Линденгуд, глядя на экран, занимался подсчетами. До океанского дна почти девять тысяч футов. Еще тысяча или даже больше – до нефтяного месторождения. Надо почистить сто тысяч футов труб. И он, инженер по добыче, отвечает за работу скребка – ввести-вывести, вниз-вверх, снова и снова, под бдительным наблюдением начальника платформы.

Жизнь удивительна.

Словно в ответ на его мысли, Уэрри спросил:

– Как скребок?

– Восемь тысяч семьсот футов, идет вниз.

Скребок опустится до дна третьей скважины, самой глубокой из пробуренных в морском дне, остановится и пойдет вверх; тогда и начнется медленный, нудный процесс чистки.

Линденгуд взглянул на Уэрри. Менеджер являл собой еще одно подтверждение новой теории Линденгуда. Парня, наверное, слишком много били в школе, потому что у него серьезные проблемы с демонстрацией власти. Обычно менеджеры шельфовых установок – люди сдержанные, неторопливые и спокойные. Они понимают, что жизнь на платформе небогата удовольствиями, и делают что могут, чтобы облегчить ее для сотрудников. Но Уэрри – настоящий капитан Блай¹: вечно не удовлетворен работой подчиненных, кричит на рабочих и младших инженеров, при малейшей возможности штрафует. Не хватает только офицерского стека и...

Вдруг на пульте Хикса раздался отчаянный писк. Линденгуд равнодушно посмотрел на него, а Хикс наклонился к панели, считывая показания.

– У нас проблема со скребком, – произнес Хикс, вытаскивая из ушей наушники и хмурясь. – Он вырубился.

– Что? – К нему подошел Уэрри, бросил взгляд на экран. – Разряд при высоком давлении?

– Нет, информация идет бессмысленная, никогда такого не видел.

– Обнули, – велел менеджер.

Хикс что-то сделал у себя на пульте.

– Ну вот, пожалуйста. Опять вырубился.

– Опять? Уже? Черт! – Уэрри резко повернулся к Линденгуду. – Отключить питание электромагнита и провести тестирование программы!

Тяжело вздохнув, Линденгуд подчинился. Впереди еще семь скважин, и если скребок уже сейчас барахлит, Уэрри хватит удар...

И вдруг Линденгуд замер. Этого не может быть. Просто невозможно.

¹ Уильям Блай – командир знаменитого корабля «Баунти»; во время плавания в южных морях в 1789 г. команда, возмущенная жестокостью капитана, подняла бунт и высадила его вместе со сторонниками у одного из островов в Тихом океане.

Не отрывая взгляда от экрана, он потянул менеджера за рукав:

– Джон...

– Что такое?

– Посмотри на датчики.

Менеджер подошел к нему, глядя на показания датчиков.

– Что за черт? Я же велел тебе выключить магнит!

– Я выключил. Питание не подается.

– Что?

– Посмотри сам, – ответил Линденгуд.

Во рту у него пересохло, а в животе появилось какое-то странное ощущение.

Уэрри пристально вглядывался в монитор.

– А что тогда...

И замолчал. Потом медленно выпрямился, побледнев под голубым светом дисплея.

– О господи...

1

Через двадцать месяцев

Питер Крейн решил, что она похожа на журавля, огромного белого журавля, поднявшегося над водой на забавно тонких ногах. Но пока вертолет подлетал ближе и далекий силуэт более ясно проступал на горизонте, сходство постепенно исчезало. Ноги стали мощнее, превратившись в трубообразные опоры из стали и армированного бетона. Тело оказалось многоэтажной надстройкой, утыканной факельными вышками и турбинами, украшенной, словно фестонами, консолями и решетками. А тонкий, похожий на шею предмет превратился в сложное подъемное устройство, торчащее на несколько сотен футов над платформой.

Летчик махнул в сторону приближавшейся платформы и поднял два пальца. Крейн кивнул, показывая, что понял его.

Стоял ясный день, и Крейн прищурился, чтобы блеск раскинувшегося во все стороны океана не мешал ему. После путешествия он чувствовал себя утомленным и потерянным: сначала перелет на коммерческом рейсе из Майами в Нью-Йорк, потом частный чартерный рейс «Гольфстрим джи-150» до Рейкьявика, а теперь еще и вертолет. Но усталость не притупила его неподдельного интереса.

Компания «Амалгамейтед шейл» ожидала от его экспертного заключения не так уж много – пусть он только сообщит им, что ему удалось выяснить. Крейну показалась странной поспешность, с какой в компании потребовали, чтобы он все бросил и махнул на платформу «Сторм кинг». Более того, Крейна озадачило то, что головной офис «Амшейла» в Исландии был полон техников и инженеров, а не буровиков и рабочих, как обычно.

И вот что еще удивительно: пилот вертолета оказался не из штата компании. Он носил форму военно-морского флота и был вооружен электрошокером.

На подлете к посадочной площадке вертолет заложил крутой вираж вдоль края платформы, и Крейн впервые осознал, насколько велико все сооружение. Одно только основание имело, должно быть, этажей восемь в высоту. Верхнюю палубу покрывал запутанный лабиринт модульных конструкций. Тут и там крохотные на фоне окружающих механизмов люди в ярко-желтой рабочей одежде проверяли оборудование, управляли насосами. Далеко-далеко внизу вокруг колонн, ныряющих на глубину в несколько тысяч футов, кипел и бурлил океан.

Вертолет снизил скорость, заложил вираж и сел на зеленый шестиугольник посадочной площадки. Повернувшись, чтобы взять сумки, Крейн заметил, что на краю площадки его ожидает высокая стройная женщина в куртке из непромокаемой ткани. Он поблагодарил пилота, открыл пассажирскую дверь, вышел на холодный воздух и инстинктивно пригнулся под вращающимися лопастями.

Он подошел к женщине, и она протянула ему руку:

– Доктор Крейн?

Крейн обменялся с ней рукопожатием:

– Да.

– Сюда, пожалуйста.

Женщина повернулась и повела его с вертолетной площадки вниз по короткой лестнице, а потом по длинным мосткам к закрытому люку того типа, что устанавливается на подводных лодках. Как ее зовут, она не сказала.

У люка нес вахту вооруженный винтовкой человек в форме. Он кивнул, когда они подошли, открыл люк, а потом задраил его за ними.

Внутри оказался просторный, ярко освещенный коридор с открытыми дверями по обеим сторонам. Не слышно было ни непрерывного свиста турбин, ни ритмичного гула бурового оборудования. Запах машинного масла ощущался весьма слабо, словно кто-то специально старался от него избавиться.

Крейн с сумками через плечо шагал за женщиной и с интересом заглядывал в двери, мимо которых они проходили. Любопытство не давало ему покоя: он увидел лаборатории, где помещались лекционные доски, компьютерные терминалы, средства связи. На верхней палубе стояла тишина, но при этом шла напряженная работа.

Крейн решился задать вопрос.

– А водолазы не в кессоне? – начал он. – Могу я с ними встретиться?

– Сюда, пожалуйста, – опять сказала женщина.

Они повернули за угол, спустились по лестнице и вышли в другой коридор, еще длиннее и шире предыдущего. Комнаты, мимо которых они проходили, тоже были больше – механические мастерские, складские помещения для какого-то сложного оборудования, которое Крейн и опознать не мог. Он нахмурился. Хотя платформа «Сторм кинг» снаружи напоминала нефтедобывающее сооружение, ему стало ясно, что нефть она больше не качает.

Что же здесь происходит?

– А специалисты по сосудистым заболеваниям или пульмонологи из Исландии прилетали? – спросил он.

Женщина не ответила, и Крейн пожал плечами. Он так долго добирался сюда, что теперь мог подождать несколько минут, пока на его вопрос ответят.

Женщина остановилась перед закрытой серой металлической дверью.

– Господин Ласситер ждет вас, – сказала она.

«Ласситер?» – удивился Крейн. Имя было ему неизвестно. Человека, который говорил с ним по телефону и вкратце рассказал о ситуации на платформе, звали Саймон. Крейн взглянул на дверь. На черной пластиковой табличке виднелась надпись белыми буквами: «Э. Ласситер, внешние связи».

Крейн повернулся к женщине в непромокаемой куртке, но та уже удалялась. Он поправил сумки и постучал.

– Войдите, – раздался хриплый голос из-за двери.

Э. Ласситер оказался высоким худощавым человеком с коротко стриженными светлыми волосами. Когда Крейн вошел, хозяин кабинета поднялся, обошел свой стол и пожал ему руку. Ласситер не был в военной форме, но и стрижка, и быстрые экономные движения намекали на то, что он мог бы принадлежать армии. Сам маленький кабинет выглядел столь же рационально, как и тот, кто его занимал. На столе почти ничего не было, только конверт из мантильской бумаги да цифровой диктофон.

– Можете оставить вещи здесь, – сказал Ласситер, указывая в дальний угол. – Присаживайтесь, пожалуйста.

– Спасибо. – Крейн взял придвинутый стул. – Мне очень хочется узнать, что же тут произошло. Женщина, которая меня встретила, не стала ничего рассказывать.

– Не стану и я. – Ласситер улыбнулся; его улыбка исчезла почти сразу после того, как появилась. – Все потом. Я должен задать вам несколько вопросов.

Крейн стерпел и это.

– Давайте, – сказал он, помолчав.

Ласситер нажал кнопку диктофона:

– Запись сделана второго июня. Присутствуют: я, Эдвард Ласситер, и доктор Питер Крейн. Место – станция обеспечения исследовательской экспедиции. – Он взглянул на Крейна. – Доктор Крейн, вы отдаете себе отчет в том, что длительность вашей командировки сюда не может быть точно определена?

– Да.

– Вы также понимаете, что обязаны не разглашать того, о чем узнаете здесь, а также раскрывать свои действия, совершенные на платформе?

– Да.

– Готовы дать письменное подтверждение?

– Да.

– Доктор Крейн, вы когда-нибудь подвергались аресту?

– Нет.

– Вы родились в США или получили гражданство?

– Я родился в городе Нью-Йорке.

– Принимаете ли вы лекарства от каких-либо заболеваний?

– Нет.

– Употребляете алкоголь или наркотики?

Отвечая, Крейн удивлялся все больше и больше.

– Если не считать злоупотреблением распитие пива иногда по выходным, то нет.

Ласситер не улыбнулся:

– Доктор Крейн, страдаете ли вы клаустрофобией?

– Нет.

Ласситер поставил диктофон на паузу. Взял конверт из манильской бумаги, открыл его, вынул несколько листков и передал через стол.

– Пожалуйста, прочтите и подпишите каждый, – сказал он, вынув из кармана ручку и положив ее рядом с листками.

Крейн начал читать. И его удивление превратилось чуть ли не в изумление. Перед ним были три разных договора о неразглашении информации, подписка о неразглашении государственной тайны и еще один документ под названием «Соглашение об обязательном сотрудничестве». Все документы носили гриф правительства Соединенных Штатов, все надо было подписывать, и все они сулили неприятные последствия в том случае, если любая из их статей будет нарушена.

Крейн положил документы. Ему было неприятно ощущать на себе взгляд Ласситера. Это уж слишком. Наверное, надо вежливо поблагодарить хозяина кабинета, попросить извинения и вернуться к себе во Флориду.

Но как, собственно, это сделать? «Амшейл» потратил кучу денег, чтобы доставить его сюда. Вертолет уже улетел. Сам он, если честно, пока ни в каком другом исследовательском проекте не участвует. А потом, он никогда не отказывался принять вызов, тем более такой загадочный, как этот.

Крейн взял ручку и, не оставив себе времени передумать, подписал все шесть документов.

– Благодарю вас, – произнес Ласситер. Он снова включил диктофон. – Настоящим подтверждаю, что доктор Крейн подписал требуемые документы.

Он выключил диктофон и поднялся.

– Доктор, если вы пройдете за мной, то получите ответы на все свои вопросы.

Он первым вышел из кабинета и повел Крейна по коридору, через лабиринт административной зоны, в лифт и наконец в хорошо оснащенную библиотеку, забитую книгами, журналами и компьютерами. Ласситер указал на стол в дальнем конце комнаты – там стоял только компьютерный монитор.

– Я приду за вами, – сказал он, повернулся и вышел.

Крейн сел, глядя, как закрывается за Ласситером дверь. В библиотеке больше никого не было, и он начал размышлять о том, что должно сейчас произойти. Вдруг экран монитора перед ним замигал. На нем появилось изображение седовласого, дочерна загорелого

человека лет семидесяти. «Наверное, какой-то информационный ролик», – подумал Крейн. Но когда человек улыбнулся непосредственно ему, он понял, что смотрит не на компьютерный монитор, а на телеэкран местной сети. На пластиковом ободке над дисплеем была прикреплена крошечная видеокамера.

– Здравствуйте, доктор Крейн, – сказал человек. Он улыбнулся, и его приветливое лицо избороздили морщинки. – Меня зовут Говард Ашер.

– Рад познакомиться, – ответил экрану Крейн.

– Я – начальник научного отдела Национальной службы океанографических исследований. Вы о ней знаете?

– Это филиал Национального управления по исследованию атмосферы и океана?

– Совершенно верно.

– Я в недоумении, доктор Ашер, вы ведь доктор?

– Да. Но зовите меня просто Говард.

– Хорошо, Говард. Какое отношение имеет платформа к Океанографической службе? И где господин Саймон, который говорил со мной по телефону? Это ведь он меня пригласил? Он сказал, что встретит меня здесь.

– Видите ли, доктор Крейн, никакого Саймона нет. Но есть я, и я буду рад рассказать вам, что смогу.

Крейн нахмурился:

– Мне сообщили, что среди водолазов, работающих на подводном оборудовании платформы, наблюдались случаи неких недомоганий. Это тоже неправда?

– Только частично. Вам рассказали немало неправды, за что я приношу свои извинения. Но это было необходимо. Понимаете, секретность для этого проекта важна, как никогда раньше. Потому что, Питер, – можно я буду так вас называть? – здесь мы имеем научное и историческое открытие века.

– Открытие века? – переспросил Крейн все еще с легким недоверием в голосе.

– Мне понятны ваши сомнения. Но тут я вас не обманываю. Ничуть. Однако говорить «открытие века», может быть, не совсем точно.

– Почему же... – начал Крейн.

– Мне следовало сказать «величайшее открытие всех времен».

2

Крейн смотрел на изображение на экране. Доктор Ашер улыбался ему дружеской, почти отеческой улыбкой. Но получалась она какой-то невеселой.

— Я не мог сказать вам правду, Питер, пока вы физически не находились на платформе. И пока вас не проверили со всех сторон. Время, которое вы затратили на дорогу сюда, мы использовали, чтобы закончить этот процесс. Но дело в том, что многое я не имею права сказать вам даже теперь.

Крейн оглянулся через плечо. В библиотеке было пусто.

— Почему? Эта линия не защищена?

— Конечно защищена. Но нам сначала надо убедиться, что вы согласны принять участие в работе.

Крейн молча ждал продолжения.

— То немногое, что я могу рассказать прямо сейчас, также строжайше секретно. Даже если вы откажетесь от нашего предложения, вы все равно будете связаны всеми соглашениями о конфиденциальности.

— Понимаю, — сказал Крейн.

— Очень хорошо. — Ашер помолчал. — Питер, платформа, на которой вы сейчас находитесь, стоит совсем не над нефтяным месторождением. А над чем-то более значительным.

— Над чем же? — автоматически спросил Крейн.

Ашер загадочно улыбнулся:

— Пока скажу только, что почти два года назад буровики нашли нечто настолько фантастическое, что в одночасье платформа перестала качать нефть и начала новую, чрезвычайно засекреченную жизнь.

— Позвольте, я угадаю: вы не можете сказать мне какую.

Ашер рассмеялся:

— Нет, пока не могу. Но открытие настолько важное, что правительство не жалеет миллионов, чтобы получить его.

— Получить?

— Находка лежит ниже морского дна прямо под платформой. Вы не забыли, я говорил, что это величайшее открытие всех времен? Происходящее здесь можно вкратце назвать раскопками — археологическими раскопками, не имеющими себе равных. Мы действительно творим историю.

— Но зачем такая секретность?

— Потому что, если люди узнают, новость немедленно выйдет на первые полосы всех газет. И через несколько часов тут будет настоящая зона бедствия. Полдюжину правительств начнут заявлять свои права, появятся журналисты, а то и просто любопытные. Это слишком важное открытие, чтобы подвергать его такому риску.

Задумавшись, Крейн откинулся на стуле. Вся его поездка стала казаться какой-то нереальной. Поспешные перелеты, нефтяная платформа, которая вовсе не платформа, завеса секретности... а теперь еще и человек на экране рассказывает ему о невообразимо важном открытии.

— Называйте меня старомодным, — сказал он, — но я чувствовал бы себя лучше, если бы мы нашли время встретиться и поговорить со мной лично.

— Увы, Питер, это не так легко. Но если вы согласитесь принять участие в проекте, мы с вами скоро увидимся.

— Не понимаю. В чем же сложность?

Ашер опять усмехнулся:

– Потому что в настоящее время я нахожусь на глубине нескольких тысяч футов под вами.

Крейн уставился на экран:

– Вы хотите сказать...

– Именно. Платформа «Сторм кинг» – просто остановка в пути, перевалочная база. Настоящая деятельность ведется глубоко под ней. Поэтому я и разговариваю с вами по видеосвязи.

Крейн на минуту задумался.

– А что там внизу? – тихо спросил он.

– Представьте огромную исследовательскую лабораторию высотой в десять этажей, полную самого современного оборудования, и все это под морским дном. Это и есть СИП – сердце самого необычного археологического проекта всех времен.

– СИП?

– Станция исследования и подъема. Мы обычно говорим просто «станция». Военные – а вы знаете, как они любят красивые слова, – называли станцию «Глубоководный шторм».

– Я заметил, что тут есть военные. Зачем они?

– Я мог бы сказать вам, что станция – государственная собственность, потому что Океанографическая служба – правительственное учреждение. И это правда. Но настоящая причина в том, что в проекте мы используем очень много всякого засекреченного оборудования.

– А те люди на верхней палубе, которые работают на буровой установке...

– Это в основном очковтирательство. В конце концов, мы должны прикидываться настоящей нефтяной платформой.

– А «Амшейл»?

– Мы предложили им исключительно выгодные условия аренды платформы, поэтому они выступают нашими представителями во внешнем мире и не задают лишних вопросов.

Крейн поерзал на стуле:

– Вот эта станция, про которую вы говорили... Я там буду жить?

– Да. Здесь живут и работают все океанологи, историки и инженеры. Я знаю, Питер, сколько времени вы провели в подводных сооружениях, и думаю, вы будете приятно удивлены. Наверное, даже правильнее будет сказать «поражены». Достаточно увидеть все собственными глазами, чтобы поверить: станция – просто чудо подводных технологий.

– Но зачем это все? Я имею в виду, зачем работать на морском дне? Почему нельзя вести работы с поверхности?

– Эти, ммм, предметы расположены слишком глубоко для спускаемых аппаратов. Кроме того, эффективность каждого отдельно взятого погружения ничтожно мала. Поверьте, как только вы все узнаете, мои слова приобретут для вас смысл.

Крейн медленно кивнул:

– Думаю, остается только один вопрос. Почему именно я?

– Ну, доктор Крейн, вы слишком скромничаете. Вы бывший военный, служили на разведывательных субмаринах и подводных ракетноносцах. Вы знаете, каково это – существовать в ограниченном пространстве, при постоянном давлении... Во всех смыслах.

«Он хорошо подготовился», – подумал Крейн.

– Медицинскую школу в Майо вы закончили вторым по списку. И поскольку служили на флоте, то вы тот самый врач, который, помимо всего прочего, знает, какие бывают расстройства у водолазов и других специалистов, выходящих в море.

– Значит, проблема носит медицинский характер?

– Конечно. Установка оборудования закончилась два месяца назад, и теперь всю идет работа. Но в последние несколько дней у некоторых обитателей «Глубоководного шторма» появились необычные симптомы.

– Кессонная болезнь? Отравление азотом?

– Скорее последнее. Давайте скажем просто, что у вас уникальная квалификация – вы врач и бывший офицер, и именно поэтому мы вас пригласили.

– А мой визит?..

– Ваш визит будет длиться столько, сколько потребуется, чтобы диагностировать и вылечить заболевание. По моим представлениям, вы пробудете у нас недели две-три. Но если бы вам даже удалось сотворить чудо, вам все равно пришлось бы провести на станции не менее шести дней. Не для того, чтобы получить обо всем подробное представление, а потому, что из-за чудовищного давления на глубине мы разработали необычную акклиматизационную и реабилитационную программу. Положительная сторона в том, что люди могут работать на глубине с гораздо большей эффективностью, чем раньше. Недостаток же в том, что процесс входа на станцию и выхода из нее занимает гораздо больше времени. И как вы можете догадаться, ускорить его нельзя.

– Ясно.

Крейн повидал немало трагических случаев декомпрессионной болезни.

– Пока все. Разве что я должен вам еще раз напомнить: если вы примете отрицательное решение, то обязаны строжайшим образом соблюдать секретность и никогда не упоминать ни о вашем визите сюда, ни о том, что мы здесь обсуждали.

Крейн кивнул. Он понял, что Ашеру приходится говорить уклончиво. Но недостаток информации раздражал его. Вот, пожалуйста: отдай несколько недель своей жизни делу, о котором не имеешь ни малейшего представления.

Впрочем, никаких срочных дел на берегу у него не было, и он вполне мог провести несколько недель на «Глубоководном шторме». Крейн недавно развелся, детей не имел и как раз сейчас выбирал между двумя предложениями об участии в исследовательских проектах. Несомненно, Ашер это знал.

«Огромной важности открытие. Археологические раскопки, не имеющие себе равных». Вопреки секретности, а может быть, как раз из-за нее Крейн ощутил, как его сердце забилося быстрее при одной мысли о том, что его ждет такое приключение. И он понял, что, еще не осознавая того, уже принял решение.

Ашер опять улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он. – Если у вас больше нет вопросов, я прерву связь и дам вам время все обдумать.

– Это ни к чему, – ответил Крейн. – Мне не надо долго раздумывать, стоит ли принимать участие в исторических событиях. Просто скажите, куда идти.

Улыбка Ашера стала шире.

– Вам вниз, Питер. Прямо вниз.

3

Питер Крейн прослужил на подводных лодках почти четыре года, но впервые ему досталось место у окна.

Он провел несколько часов на платформе «Сторм кинг»: сначала проходил медицинский осмотр и психологическое собеседование, потом болтался в библиотеке, дожидаясь, когда наступит спасительная темнота. Наконец его отвели на специальную транспортную площадку под основным строением, где стоял пришвартованный к бетонной опоре военный батискаф. Поверхность океана опасно поднялась, и леера на сходнях провисли. Крейн перешел в крохотную рубку. Оттуда он спустился по скользкому от сырости металлическому трапу через массивный люк, спасательную камеру и оказался в тесном помещении внутри прочного корпуса, где за пультом управления сидел молодой военный моряк.

– Занимайте любое место, доктор Крейн, – предложил парень.

Высоко над головой брякнул заdraиваемый люк, за ним другой. Звук глухо прокатился по всему подводному аппарату.

Крейн оглядел кабину. Помимо пустых сидений, расположенных по два в три ряда, каждый квадратный дюйм стен и потолка был покрыт манометрами, трубопроводами и разными приборами. Единственным исключением оказался только узкий, но кажущийся очень прочным люк в дальней стене. В закрытом пространстве стоял крепкий запах машинного масла, сырости, пота, и Крейн сразу вспомнил годы, когда и сам носил знаки различия военно-морского флота.

Крейн сел, положил сумки на соседнее сиденье и повернулся к окну – маленькому металлическому кольцу, усаженному стальными болтами. И нахмурился. Как и всякий подводник, он питал стойкое доверие к надежному стальному корпусу, а иллюминатор казался ему ненужной и опасной роскошью.

Моряк, видимо, перехватил его взгляд, потому что усмехнулся.

– Не волнуйтесь, – сказал он. – Это специальный композитный материал, встроен прямо в корпус. Мы далеко ушли от старых кварцевых окон «Триеста».

В ответ Крейн рассмеялся:

– Вот уж не думал, что по мне так заметно.

– По этому взгляду я сразу отличаю гражданских от военных. Вы, наверное, сами были подводником?

Крейн повернулся к нему.

– Меня зовут Ричардсон, – произнес молодой человек.

Крейн кивнул. На рукаве у Ричардсона были нашивки главного корабельного старшины, а эмблема над ними показывала, что принадлежит он к специалистам по оперативным вопросам.

– Я провел два года на атомных крейсерах, – сказал в ответ Крейн, – а потом еще два – на ракетноносцах.

– Ясно.

Сверху раздался приглушенный лязг; Крейн решил, что это убирают сходни. Потом откуда-то из путаницы приборов раздалось тихое шипение радио:

– ПБ к погружению готов.

Ричардсон взял микрофон:

– База-один, это ПБ. Вас понял.

Послышалось тихое шипение воздуха, приглушенный шепот гребных винтов. Батискаф мягко качнулся на волнах. Шипение скоро стало громче, а потом сменилось шумом полившейся в балластные цистерны воды. Аппарат начал погружаться. Старшина Ричард-

сон потянулся к пульту и включил наружное освещение. Чернота за окном внезапно сменилась вихрем белых пузырьков.

– База-один, ПБ на погружении, – сказал Ричардсон в микрофон.

– На какой глубине расположена станция? – спросил Крейн.

– Чуть глубже чем три тысячи семьсот метров.

Крейн быстро пересчитал. Три тысячи семьсот метров – это двенадцать тысяч футов. Значит, станция лежит на две мили ниже уровня моря.

За иллюминатором буря воздушных пузырьков сменилась зеленой водой океана. Крейн выглянул, надеясь увидеть рыб, но заметил только несколько размытых серебристых фигур за пределами круга света.

Теперь, когда Крейн согласился участвовать в проекте, любопытство снова одолело его. Чтобы отвлечься, он повернулся к Ричардсону.

– И часто вы совершаете этот переход? – спросил он.

– Раньше, когда станцию готовили к пуску, приходилось делать по пять, а то и по шесть погружений за день. И каждый раз батискаф был набит битком. Но сейчас, когда работа идет в нормальном режиме, бывает, что за несколько недель ни разу не спустишься.

– Но наверх-то людей надо поднимать?

– Пока никто еще не поднимался.

Крейн очень удивился:

– Никто?

– Никто, сэр.

Крейн посмотрел в окно. Батискаф быстро опускался, и зеленоватое свечение воды становилось все темнее и темнее.

– А как там внутри? – спросил он.

– Внутри? – переспросил Ричардсон.

– На станции.

– Никогда там не был.

Крейн в изумлении повернулся к нему.

– Я же просто таксист. У них слишком длинный процесс акклиматизации, чтобы ходить туда на экскурсии. Они говорят, что на вход требуется день, а на выход – три дня.

Крейн кивнул и снова повернулся к иллюминатору. Вода стала еще темнее, и в толще океана появились какие-то частицы. Батискаф погружался с нарастающей скоростью, и Крейн зевнул, чтобы отпустило уши. Пока он служил на флоте, ему хватило быстрых погружений, и они всегда проходили напряженно: офицеры и команда с мрачными лицами стоят по боевым постам, а корпус лодки трещит и стонет под нарастающим давлением. Но батискаф стонущих звуков не издавал, слышалось только тихое шипение воздуха и жужжание вентиляторов оборудования.

Чернота за иллюминатором стала абсолютной. Крейн посмотрел вперед и вниз, в чернильные глубины. Где-то там лежит станция, оборудование которой превосходит самые последние образцы техники, а рядом с ней, под песком на морском дне, таится еще что-то, совершенно неизвестное.

Словно догадавшись, о чем думает Крейн, Ричардсон достал сбоку от своего сиденья какой-то предмет и передал Крейну:

– Доктор Ашер просил меня отдать вам. Сказал, что это может вас заинтересовать, пока мы погружаемся.

Это оказался большой голубой конверт, тщательно запечатанный в двух местах, с многочисленными штампами: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ТОЛЬКО ДЛЯ ЧТЕНИЯ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ». В одном углу имелся правительственный штамп

и мелко напечатанный текст, грозивший страшными карами тому, кто осмелится нарушить секретность.

Крейн повертел конверт в руках. Теперь, когда момент настал, у него появилось странное нежелание узнавать, в чем дело. Крейн еще помедлил, а потом осторожно сломал печати и открыл конверт.

Ему на колени выпал ламинированный лист бумаги и небольшой буклет. Крейн взял лист и с любопытством взглянул на него. Это оказалась схема не то военной базы, не то какого-то судна с названием «УР 10 – ЖИЛОЙ БЛОК (НИЖН.)». Он внимательно изучил ее, а потом отложил и взялся за буклет.

На обложке стоял штамп «Свод правил секретных операций». Крейн пролистал страницы, проглядывая многочисленные пункты и подпункты, а потом с шумом захлопнул буклет. Это что, Ашер так шутит? Крейн взял конверт и заглянул внутрь, собираясь отложить все в сторону.

И увидел сложенный листок, застрявший внутри. Крейн вытащил его, развернул и начал читать. Он читал, и вдруг у него в кончиках пальцев появился странный зуд, который стал распространяться дальше, пока не охватил все тело.

ВЫПИСКА ПРИЛАГАЕТСЯ

см. № СИП-10230а

Краткий обзор: Атлантида

1. Первое письменное упоминание
2. События, предшествовавшие погружению (гипотеза)
3. Дата погружения: 9500 г. до н. э.

Источник: Платон. Диалоги. «Тимей»

История сохранила упоминания о могущественной державе, которая отправилась в поход против целой Европы. Государство располагалось на острове в Атлантическом океане; остров этот «превышал своими размерами Ливию и Азию, вместе взятые, и с него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов – на весь противолежащий материк, который охватывал то море, что и впрямь заслуживает такое название».

На этом острове, Атлантиде, находилась великая и удивительная империя, правившая всем островом, а также рядом других и даже землями на ином континенте. Но потом случились страшные землетрясения и потопа, и за сутки стихийных бедствий остров Атлантида погрузился в бездонные глубины моря.

Конец выписки

Кроме этого короткого отрывка из Платона, на листке больше ничего не было. Но и этого было достаточно.

Крейн выпустил листок, и он плавно опустился ему на колени; сам же доктор глядел в иллюминатор, но на самом деле смотрел в никуда. Вот так уклончиво Ашер сообщил, какие именно раскопки ведутся на глубине двух миль ниже уровня моря.

Атлантида.

В это невозможно было поверить. Однако все сходилось – и секретность, и применение новейшего оборудования, и даже сумма расходов. Величайшая загадка человечества – процветающая цивилизация Атлантиды, подрубленная на корню мощнейшим катаклизмом. Мегаполис под морским дном... Кто были его обитатели? Какими секретами они обладали? И что за катастрофа обрушилась на их город?

Сидя неподвижно, Крейн ждал, когда спадет захлестнувшая его волна возбуждения. А она все не спадала. Может, это сон, подумал он. Может быть, через несколько минут все кончится, он проснется и для него начнется очередной знойный день в Майами. Видение растает, и он окажется все в тех же жерновах, будет продолжать погоню за местом в каком-нибудь исследовательском проекте. Да, дело обстоит именно так. Потому что этого просто быть не может – погружение к древнему, давно забытому городу, где и он примет участие в самых сложных и значительных археологических раскопках в истории.

– Доктор Крейн...

Услышав голос Ричардсона, Крейн резко встал.

– Мы приближаемся к станции, – сообщил Ричардсон.

– Уже?

– Да, сэр.

Крейн посмотрел в иллюминатор. На глубине двух миль океан был илисто-черным, и наружное освещение помогало совсем мало. Однако наблюдалось какое-то странное рассеянное свечение, которое, противореча всякой логике, шло снизу, а не сверху. Крейн наклонился к стеклу, взглянул вниз, и у него перехватило дыхание. Внизу, примерно в сотне футов под ними, лежал металлический купол, погруживший края в морское дно. Примерно на половине его высоты виднелся ведущий внутрь круглый тоннель футов шести в поперечнике, словно жерло печи; остальная поверхность полусферы была гладкой и блестящей. Никаких опознавательных знаков купол не имел. Он походил на верхнюю часть огромного серебряного шара, торчащую из кучи песка. У дальнего края постройки, возле аварийного выхода, был ошвартован еще один батискаф – точно такой же, как тот, в котором сидел сейчас Крейн. На самой верхушке купола рос лесок датчиков и антенн связи, окружая массивный объект в форме перевернутой чайной чашки. По всей поверхности полусферы, словно самоцветы, сияли тысячи крохотных огоньков, помигивая под током воды глубоководных течений.

Под защитным куполом и лежал «Глубоководный шторм» – чудо из чудес самых современных технологий. А где-то под «Глубоководным штормом», настолько же древняя, насколько новой была исследовательская станция, скрывалась неизвестная и многообещающая загадка Атлантиды.

Потрясенный Крейн осознал, что идиотски улыбается. Он посмотрел на Ричардсона. Старшина, глядя на него, улыбался в ответ.

– Добро пожаловать, сэр, – сказал он.

4

Кевин Линденгуд обдумал все самым тщательным образом. Он знал, что игра потенциально опасна. Но здесь главное – хорошая подготовка и контроль над ситуацией. А он хорошо подготовился и учел все, что только можно. Поэтому и беспокоиться не о чем.

Он облокотился на капот своего выдавшего вида «тауруса», глядя, как по Бискайскому бульвару едут машины. Заправочная станция располагалась на одной из самых оживленных улиц Майами. Более людное место, чем это, трудно и представить. А людное место означает безопасность.

Держа в руке шланг, он помедлил у воздушного насоса – притворялся, что проверяет давление в шинах. День стоял жаркий, с температурой далеко за тридцать градусов, но Линденгуду жара была по душе. На платформе «Сторм кинг» он повидал столько снега и льда, что хватит на несколько жизней. Хикс с его треклятым iPodом, хамоватый Уэрри... ни за что на свете не хотел бы он вернуться к этому, и если сегодня он правильно разыграет свою карту, то не придется.

Когда Линденгуд выпрямился над правым передним колесом, на станцию въехал черный «порше» и остановился в зоне обслуживания, всего в нескольких шагах от него. С трепетом – отчасти от возбуждения, отчасти от страха – Линденгуд увидел, как из машины выходит человек, которого он ждал. Мужчина был одет так, как требовал для этой встречи Линденгуд: в майку и пляжные шорты. Чтобы некуда было спрятать оружие.

Линденгуд взглянул на часы. Семь часов; человек прибыл точно в назначенное время.

«Подготовка и контроль». Мужчина приближался к нему. На предыдущих встречах он сказал, что его зовут Уоллес, но фамилии ни разу не назвал. Линденгуд был почти уверен, что и Уоллес – ненастоящее имя. Уоллес был худощав, телосложением походил на пловца. Он носил толстые очки в черепаховой оправе и слегка прихрамывал при ходьбе, словно одна нога была немного короче другой. Линденгуд раньше не видел его в майке и сейчас развеселился, увидев бледную кожу Уоллеса. Похоже, большую часть своего времени парень проводит за компьютером или у телефона. Мужчина подошел, и Линденгуд произнес:

– Вы получили мое сообщение.

– И в чем дело?

– Думаю, нам будет удобнее разговаривать в моей машине, – ответил Линденгуд.

Мужчина немного постоял, словно раздумывая. Потом пожал плечами и сел на пассажирское сиденье.

Линденгуд обошел машину и сел за руль, позаботившись оставить дверь распахнутой настежь. В руке он по-прежнему держал шланг, помахивая им. Мужчина не собирался ничего предпринимать, по крайней мере здесь; а потом, он едва ли походил на атлета, но на крайний случай Линденгуд надеялся использовать воздушный шланг в качестве оружия. И опять он напомнил себе, что этого не потребуется: он выполнит свою часть сделки и исчезнет. Уоллес не знает, где его найти, а уж Линденгуд ни за что ему не скажет.

– Вам уже заплатили, и заплатили хорошо, – тихо сказал Уоллес. – Ваша часть работы закончена.

– Да, конечно, – ответил Линденгуд, стараясь, чтобы его собственный голос звучал твердо и уверенно. – Дело в том, что теперь, когда мне известно о вашей, ммм, операции немного больше, я начинаю думать, что мне недоплатили.

– Ни о какой операции вы ничего знать не можете.

– Я думаю, что она совсем не одобряется законом. Послушайте, ведь это я вас нашел, не забыли?

Уоллес не ответил. Он просто смотрел на Линденгуда; лицо его было спокойным, почти умиротворенным. Компрессор сжатого воздуха на улице чихнул и снова зажужжал, обеспечивая заданное давление.

– Вам известно, что я был среди последних специалистов, покинувших «Сторм кинг», – продолжал Линденгуд. – Это произошло через неделю после того, как мы завершили наше дело, и я сообщил вам последние сведения. А на платформе появились всякие типы из правительственных агентств, какие-то ученые. Тогда я и задумался. Происходило нечто серьезное, по-настоящему значительное, даже более важное, чем я думал. То, что вы заинтересовались моим товаром, означает: у ваших людей есть ресурсы... и глубокие карманы.

– К чему вы ведете? – спросил Уоллес.

Линденгуд облизал губы:

– Просто некоторым чиновникам будет любопытно узнать, что вы интересуетесь этой платформой.

– Вы что, угрожаете нам? – осведомился Уоллес.

Его тихий голос стал странно ласковым.

– Мне бы не хотелось пользоваться этим словом. Скажем, я бы хотел выправить дисбаланс. Ясно, что мое вознаграждение оказалось занижено. Да, ведь это я обнаружил странные показания приборов, зарегистрировал эту аномалию и сообщил о ней. Разве это ничего не значит? И я передал информацию вам – все данные, и по триангуляции тоже, и по телеметрии с глубоководного зонда. Все. И только я мог это сделать – у меня все было в руках. А больше никто ничего не знает.

– Никто, – повторил за ним Уоллес.

– Если бы не я, ваши люди никогда и не услышали бы о проекте. У вас не было бы никаких... как бы это выразиться... активов.

Уоллес снял очки и начал протирать их майкой.

– И сколько?

– Думаю, пятьдесят тысяч.

– И вы исчезнете навсегда?

Линденгуд кивнул:

– Вы никогда больше обо мне не услышите.

Уоллес ненадолго задумался, продолжая протирать очки.

– Мне потребуется день-два, чтобы собрать деньги. Нам придется встретиться еще раз.

– Два дня? Хорошо, – ответил Линденгуд. – Можем встретиться здесь в то же...

Договорить он не успел. Со скоростью нападающей змеи Уоллес выбросил правый кулак с выставленными согнутыми указательным и средним пальцами и ударил Линденгуда в солнечное сплетение. В животе у того вспыхнула парализующая боль. Линденгуд широко раскрыл рот, но не смог произнести ни звука. Он невольно наклонился вперед, пытаясь восстановить дыхание, и схватился руками за живот. Уоллес выбросил правую руку еще раз, схватил Линденгуда за волосы, пригибая его голову к сиденью и жестко выкручивая ее. Мучительно тараща глаза, Линденгуд увидел, как Уоллес, забыв про очки, посмотрел вправо и влево, чтобы убедиться, что его действия остались незамеченными. Держа Линденгуда за волосы, он потянулся через него и закрыл водительскую дверь. Когда он выпрямился, Линденгуд увидел у него в руке шланг воздушного компрессора.

– А ты, друг мой, только что стал пассивом, – сказал Уоллес.

Линденгуд наконец обнаружил, что может говорить. Но, как только он вдохнул воздуха, чтобы крикнуть, Уоллес сунул наконечник шланга ему в гортань.

Линденгуд затрясся, его душил рвотный рефлекс. Несмотря на то что Уоллес держал его, он рванулся, выдирая волосы. Не ослабляя хватки, Уоллес подтянул его к себе и мощным, безжалостным движением вогнал шланг Линденгуду в глотку.

Кровь заполнила рот и горло, и Линденгуд испустил булькающий писк. Но тут Уоллес нажал на рукоятку, воздух с жутким напором хлынул из шланга, и в груди Линденгуда взорвалась такая боль, которой он раньше не мог представить.

5

Голос из микрофона звучал немного высокомерно, словно человек на том конце дышал гелием.

– Еще пять минут, доктор Крейн, и вы можете пройти в воздушный шлюз «С».

– Слава богу.

Питер Крейн спустил ноги с металлической скамьи, на которой дремал, потянулся и посмотрел на часы. Было четыре часа дня, но он решил, что раз станция похожа на подводную лодку, смена дня и ночи имеет мало значения.

Прошло уже шесть часов с тех пор, как он вышел из батискафа, осторожно вошел в двухкорпусную конструкцию станции и вступил в лабиринт воздушных шлюзов, известный под названием гипербарического комплекса. Все это время он бездельничал, дожидаясь окончания непривычного периода акклиматизации. Как медику, ему этот процесс был интересен: он не знал, какие мероприятия проводятся и какие технологии используются. Ашер по видеосвязи сказал ему только, что все это облегчает работу на больших глубинах. Наверное, они изменили состав атмосферы – уменьшили содержание азота и добавили какой-нибудь редкий газ. Но в любом случае это явно было значительным техническим достижением – одной из тех сверхсекретных технологий, из-за которых предпринято столько предосторожностей.

Каждые два часа бесплотный писклявый голос просил его пройти через очередной воздушный шлюз в следующее помещение. Все эти помещения были совершенно одинаковые – огромные, похожие на сауну кубы с рядами металлических скамеек. Отличались они друг от друга только цветом. Первая камера была защитного цвета, следующая – светло-голубого, а третья, как ни странно, оказалась красной. Прочитав краткую брошюру об Атлантиде, найденную в первой камере, Крейн проводил время в дремоте или листал толстый сборник стихов, который прихватил с собой. А еще Крейн думал. Прошло немало времени, а он лежал на скамейке, глядя в металлический потолок, на который давили несколько миль воды, и размышлял.

Он раздумывал о том, какой катаклизм мог погрузить город атлантов на такую глубину, и о самой погибшей цивилизации, столь могущественной прежде. Вряд ли этому помогли греки, финикийцы, минойцы или другие древние агрессоры, которых так любят историки. Как было ясно из выписки, о цивилизации Атлантиды никто ничего толком не знал. Крейну показалось странным, что город был расположен так далеко на севере; в брошюре говорилось, что даже из первичных источников нельзя понять, где конкретно он находился. Сам Платон почти ничего не знал ни о гражданах, ни о жизни в этом городе. «Наверное, отчасти поэтому город так долго и не могли найти», – подумал Крейн.

Медленно тянулось время, но ощущение невероятного события не ослабевало. Крейну все это казалось чудом. Не потому, что все происходило так быстро, не потому, что проект оказался таким важным, а потому, что потребовалось участие непосредственно Крейна. Он не стал обсуждать это с Ашером по видеосвязи, но сам вовсе не был уверен, что проекту потребовалась именно его помощь. В конце концов, он не специализируется ни в гематологии, ни во флеботомии. «Кажется, у вас уникальная специализация – и врач, и бывший подводник, так что вы сможете вылечить такие недомогания». Да, верно, он имел немалый опыт работы с теми, кто жил под водой, но были и другие доктора, которые могли бы заявить то же самое.

Крейн еще раз потянулся и пожал плечами. Скоро он узнает истинную причину. А потом, не так уж это и важно, ведь одно то, что он сюда попал, – настоящая удача. Инте-

ресно, какие артефакты – странные, удивительные – уже были обнаружены, что за древние секреты раскрыты?

Раздался громкий лязг, и люк в дальней стене открылся.

– Пожалуйста, пройдите через шлюз в коридор, – произнес все тот же голос.

Крейн так и сделал и оказался в тускло освещенном цилиндрическом проходе длиной футов двадцать. В противоположной стене был еще один люк, закрытый. Крейн остановился, дожидаясь, пока его не откроют. Однако вместо этого с таким же громким лязгом закрылся люк у него за спиной. Давление воздуха упало, да так резко, что у Крейна заболели уши. Наконец открылся люк впереди, и в проход хлынул желтый свет. В проеме стоял человек, приветственно протягивая руку. Крейн вошел в следующее помещение и узнал загорелое лицо Говарда Ашера.

– Доктор Крейн! – Ашер дружески улыбнулся. – Добро пожаловать на станцию.

– Спасибо, – ответил Крейн. – Я уже немало времени здесь провел.

Ашер усмехнулся:

– Мы хотели поставить в компрессионных камерах DVD-плееры, чтобы помочь людям скоротать время акклиматизации. Но сейчас, когда станция полностью укомплектована персоналом, в этом нет смысла. А гостей мы не ждем. Как вам материал для чтения?

– Невероятно! Неужели вы и вправду обнаружили...

Но Ашер приложил палец к губам, подмигнул и заговорщицки улыбнулся:

– Да, это правда. И реальность даже более фантастична, чем вы можете себе представить. Но лучше по порядку. Давайте сначала я покажу вам, где вы будете жить. Дорога была долгой, и, думаю, вы захотите привести себя в порядок.

Крейн отдал Ашеру одну из своих сумок:

– Мне бы хотелось больше узнать о процессе акклиматизации.

– Конечно, конечно. Сюда, Питер. Я уже спрашивал, можно ли называть вас Питером? Еще раз улыбнувшись, он повел Крейна дальше.

Крейн с любопытством смотрел по сторонам. Они находились в квадратном вестибюле с низким потолком, где с двух сторон тянулись окна с затемненными стеклами. В одном из окон сидели за пультом управления два техника и смотрели на Крейна. Один из них приветственно помахал рукой.

Белый коридор, начинавшийся в конце вестибюля, вел на верхний этаж станции. Ашер уже шел по коридору, повесив сумку на плечо, и Крейн прибавил шагу, чтобы догнать его. Коридор, конечно, был узок, но не настолько, как ожидал Крейн. Неожиданным оказалось и освещение: мягкое и не очень яркое, совсем не похожее на холодное флуоресцентное освещение на борту подводных лодок. Воздух тоже был удивительный: теплый и приятно влажный. Ощущался какой-то запах, который Крейн никак не мог определить, что-то медное, металлическое. Интересно, подумал он, может быть, так работают системы кондиционирования?

По дороге они миновали несколько закрытых дверей, таких же белых, как и стены коридора. На некоторых были написаны имена, на других были какие-то сокращения наподобие «ЭЛЕКТР. ЭКСПЛ.» или «ПОДСТАН. II». Рабочий, молодой человек в комбинезоне, как раз открыл одну такую дверь, когда они проходили мимо. Он кивнул Ашеру, с любопытством взглянул на Крейна, вышел и направился в противоположную сторону, в вестибюль. Заглянув внутрь, Крейн увидел комнату, забитую укрепленными на стеллажах серверами, а также небольшие джунгли сетевого оборудования.

Когда дверь снова закрылась, Крейн осознал, что она вовсе не выкрашена в белый цвет. И двери, и стены были сделаны из какого-то необычного искусственного материала, который, похоже, принимал цвет окружения – в данном случае освещения в коридоре. Крейн

увидел собственное призрачное отражение на двери и размытые очертания своей фигуры какого-то странного платинового оттенка.

– Что это за материал? – спросил он.

– Недавно разработанный сплав. Легкий, химически пассивный, очень прочный.

Они дошли до пересечения с другим коридором, и Ашер повернул налево. По видеозображению Крейн решил, что начальнику научного отдела Океанографической службы должно быть под семьдесят, но тот оказался лет на десять моложе. Морщины были не от возраста, как думал сначала Крейн, а оттого, что Ашер провел много времени в море. Шагал он быстро и нес тяжелую сумку Крейна так, словно она ничего не весила. Впрочем, несмотря на явно хорошую форму, ученый прижимал левую руку к телу.

– Верхние уровни станции – просто муравейник, состоящий из кабинетов и жилых комнат, и поначалу ориентироваться в них трудно, – заметил Ашер. – Если потеряетесь, обращайтесь к планам, вывешенным на пересечениях главных коридоров.

Крейну не терпелось больше узнать о медицинских аспектах работы, а также о самих раскопках, но он решил предоставить Ашеру выбор темы для разговора.

– Расскажите мне про станцию, – попросил он.

– Двенадцать уровней в высоту, ровно сто восемьдесят метров в длину. Основание заглублено в материнскую породу морского дна, а сверху ее закрывает титановый купол, который мы устанавливали прямо на месте.

– Я видел купол, когда мы подходили. Грандиозное сооружение.

– Так и есть. Станция сидит под ним, как горошина в стручке, а пространство между ними полностью герметично. Купол плюс наш собственный корпус – между нами и океаном два слоя металла. Да и металл непростой: обшивка станции сделана из НУ250, нового сорта стали, используемой для аэрокосмических проектов, с вязкостью разрушения выше двадцати тысяч футо-фунтов и пределом текучести порядка трехсот тысяч фунтов на квадратный дюйм.

– Я заметил, что на поверхности есть отверстие, ведущее внутрь, – произнес Крейн. – Зачем это?

– Вы, наверное, говорите о компенсаторах давления. Их два, по одному на каждой стороне. Принимая во внимание давление на этой глубине, самой лучшей формой была бы сфера. Купол же представляет собой полусферу, и эти две трубы, открытые океану, помогают уравновесить давление. Они также прикрепляют станцию к куполу. Думаю, умные головы, которые сидят на седьмом уровне, все объяснят более подробно.

Второй коридор, по которому они сейчас шагали, напоминал первый – трубы и кабели на потолке, закрытые двери с загадочными надписями.

– И еще я заметил в верхней части купола странный объект в форме чаши, футов тридцать в поперечнике, – продолжал Крейн.

– А, да. Это аварийная спасательная капсула. Просто на случай, если кто-то ненароком вытащит пробку.

Сказав это, Ашер засмеялся – легко, заразительно.

– Извините, не могу не спросить. Купол вокруг нас не такой уж и маленький. Наверняка иностранные правительства уже интересовались?

– Конечно. Мы тщательно подготовили кампанию по дезинформации, якобы здесь затонула сверхсекретная исследовательская субмарина. Все думают, что мы проводим операцию подъема. Но это не останавливает русских или китайцев – какая-нибудь их подводная лодка нет-нет да и пройдет мимо, что, конечно, сильно нервнрует наших военных.

Они прошли мимо двери, возле которой был укреплен сканер сетчатки глаза; там же стоял пост – два моряка, вооруженные винтовками. Ашер не стал ничего объяснять, а Крейн ничего не спросил.

– Сейчас мы на двенадцатой палубе, – рассказывал Ашер. – Здесь в основном вспомогательные службы, работающие на всю станцию. Одиннадцатая и десятая палубы заняты жилыми помещениями, там же располагается и спортивный комплекс. Вы, кстати, будете жить на десятой палубе. Ванную будете делить с Роджером Корбеттом, военным психологом. Большинство ванных рассчитано на две комнаты – как вы понимаете, место мы должны экономить. Штат у нас полностью укомплектован, а вы – неожиданное пополнение.

Он остановился перед лифтом и нажал кнопку.

– Девятая – палуба снабжения. Медпункт, где вы будете работать, тоже там. На восьмой палубе административные помещения и исследовательские лаборатории.

Раздался тихий сигнал, и двери лифта с легким шуршанием открылись. Ашер жестом пригласил Крейна войти и последовал за ним.

Лифт был сделан из того же необычного материала, что и коридор. На панели имелось шесть кнопок без всяких обозначений. Ашер нажал третью сверху, и лифт поехал вниз.

– О чем я? А, да. Седьмая палуба – научный отдел. Там компьютерный центр и всевозможные лаборатории.

Крейн покачал головой:

– Невероятно.

Ашер просиял, словно станция была его собственностью, а не правительственным учреждением.

– Я не упомянул, наверное, сотню подробностей, которые вы узнаете сами. Тут есть три кают-компании, камбузы при которых готовят самую изысканную еду. Полдесятка залов для отдыха, удобные комнаты для трехсот с лишним человек. В общем, Питер, мы – небольшой город в двух милях ниже уровня моря, вдали от любопытных глаз.

– «На ложе океана, без пригляда...» – процитировал Крейн.

Ашер с любопытством посмотрел на него, неопределенно улыбаясь:

– Это ведь Эндрю Марвел?²

Крейн кивнул:

– Да, «Бермуды».

– Только не говорите, что любите читать стихи.

– Почитываю. Приобрел такую привычку, когда служил на лодках. Это мой скрытый порок.

Улыбка на обветренном лице Ашера стала шире.

– Питер, вы мне нравитесь.

Прозвучал сигнал, и двери открылись в новый коридор, на этот раз более широкий и оживленный. Выглянув, Крейн очень удивился: жилая зона была оформлена очень красиво. На полу лежал элегантный ковер, а на оклеенных обоями стенах – о чудо! – висели написанные маслом картины в рамах, совсем как в вестибюле роскошного отеля. Мимо, болтая друг с другом, шагали люди в форме или в лабораторной одежде. У каждого на воротнике или на кармане рубашки был прикреплен бейдж с индивидуальным номером.

– Да, станция – просто чудо техники, – продолжал Ашер. – Нам очень повезло, что мы здесь работаем. Ну вот, это и есть десятая палуба. Я сейчас покажу вам вашу комнату. У вас есть какие-нибудь вопросы?

– Всего один. Вы сказали, что палуб двенадцать. Но перечислили только шесть. И в лифте только шесть кнопок. – Крейн указал на панель. – А что на остальных уровнях?

– А-а... – Ашер замаялся. – Нижние шесть этажей засекречены.

– Засекречены?

Ученый кивнул.

² Марвел Эндрю (1621–1678) – английский поэт, публицист.

– Но почему? Что там?

– Простите, Питер, хотел бы рассказать вам, но не могу.

– Не понимаю. Почему?

Но Ашер не ответил. Вместо этого он еще раз улыбнулся – наполовину огорченно, наполовину лукаво.

6

Если жилая зона станции напомнила Крейну дорогой отель, то девятая палуба, как ему показалось, имела много общего с круизным лайнером.

Ашер дал ему час, чтобы принять душ и разложить вещи, а потом появился снова; он обещал отвести Крейна в медицинский пункт.

– Пора вам познакомиться с коллегами.

По дороге они зашли на девятую палубу, официально названную палубой снабжения.

Но название никак не могло передать реальную обстановку. Ашер быстро провел Крейна мимо зрительного зала на сотню мест и обширной библиотеки и вывел на широкий перекресток, где жизнь била ключом. Из помещения, очень напоминавшего кафе на каком-нибудь бульваре, доносилась негромкая музыка. Дальше Крейн разглядел пиццерию, а рядом – небольшой садик со скамейками вокруг. Все было немного уменьшено, сжато, чтобы поместиться в ограниченном пространстве станции, но исполнено это было столь мастерски, что ни теснота, ни большое количество людей не мешали.

– У девятой палубы нестандартная планировка, – говорил Ашер. – Все помещения располагаются вдоль двух перпендикулярных друг другу коридоров. Их пересечение персонал прозвал Таймс-сквер.

Крейн присвистнул:

– Еще бы.

– Центр мультимедиа и прачечная – вон там. А здесь – магазины военно-торговой службы.

Ашер указал на витрины, которые подошли бы скорее дорогому универмагу, а уж никак не гарнизонному магазину.

Крейн разглядывал небольшие группки сотрудников вокруг – те болтали, попивали кофе за столиками, читали книги, что-то печатали на ноутбуках. Некоторые были в форме, но большинство носило гражданскую одежду или лабораторные костюмы. Крейн покачал головой. Почти невозможно представить – ведь над ними пара миль морской воды!

– Не могу поверить, что военные ухитрились такое построить! – воскликнул он.

Ашер ухмыльнулся:

– Вряд ли заказчик имел в виду именно это. Но не забывайте, что работа здесь продлится не один месяц. А может, несколько лет, и уезжать отсюда на отдых – дело дорогостоящее, допустимое только в самом крайнем случае. В отличие от вас большинство сотрудников не имеют никакого опыта работы и жизни на подводных лодках. Наши ученые не привыкли обитать в стальных ящиках без окон и дверей, и мы стараемся, как можем, чтобы сделать их жизнь сносной.

Крейн, вдыхая запах свежемолотого кофе, донесшийся из кафе, решил, что жизнь здесь вполне можно вынести.

За крошечным садиком Крейн разглядел огромный дисплей, наверное футов десять на десять, перед которым стояли несколько скамеек. Присмотревшись, он понял, что это, скорее, собранный из небольших экранов блок, настроенный так, чтобы давать одну картинку. Картинка являла собой изображение тусклых зелено-черных морских глубин. Проплывали странные, словно не из этого мира рыбы: необычные угри, громадные медузы, похожие на воздушный шар рыбы с одиноким огоньком, висящим на усике над головой. Крейн узнал кое-какие виды – саблезуб, морской черт, рыба-гадюка.

– Это что, вид снаружи? – спросил он.

– Да, с камеры на куполе. – Ашер обвел рукой небольшую площадь. – Многие сотрудники проводят здесь свободное время: отдыхают в библиотеке или смотрят фильмы в мультимедийном зале.

тимедиацентре. Спортивный центр на десятом уровне тоже пользуется большой популярностью. Напомните мне, чтобы я показал, где он. Да, нам надо вживить вам чип.

– Чип?

– Ну да, радиочип.

– Для контроля? Это обязательно?

– Здесь очень строгие меры безопасности. Боюсь, да.

– А это не больно? – Крейн шутил только наполовину.

Ашер усмехнулся:

– Чип размером с зернышко риса имплантируется под кожу. Ну а теперь в медпункт.

Мишель и Роджер уже ждут. Это здесь, в конце коридора.

Ашер указал правой рукой вдоль одного из широких коридоров. В самом конце, за магазинами, кафе и еще полудюжиной других входов Крейн увидел двойные двери из матового стекла с красными крестами.

Он еще раз обратил внимание, что Ашер держит левую руку, бережно прижимая к боку.

– Что у вас с рукой? – спросил он, когда они шли по коридору.

– Сосудистая недостаточность, – небрежно ответил Ашер.

Крейн нахмурился:

– Очень болит?

– Нет-нет. Просто надо соблюдать осторожность.

– Еще бы. И давно это у вас?

– Чуть больше года. Доктор Бишоп назначила мне кумадин, а потом, я регулярно занимаюсь спортом. Тут у нас в спортивном комплексе хорошие корты для сквоша.

Ашер поспешил дальше по коридору, явно желая сменить тему. Крейн же подумал, что если бы Ашер не был руководителем группы ученых, то по состоянию здоровья явно остался бы на берегу.

Медицинский пункт, как и другие помещения станции из тех, что Крейну довелось увидеть, был тщательно спроектирован – так, чтобы вместить в ограниченное пространство как можно больше, не создавая ощущения тесноты. В отличие от обычных больничных помещений свет был рассеянный и даже приятный, и отовсюду и в то же время из ниоткуда раздавалась классическая музыка для духовых инструментов. Ашер повел его через приемную, на ходу кивнув регистратору за стойкой.

– Как и все прочие службы станции, медицинский пункт оборудован по самому последнему слову техники, – произнес Ашер, ведя Крейна мимо регистратуры по коридору, покрытому ковровой дорожкой. – Кроме врача, у нас четыре медсестры, три интерна, врач-диагност, диетолог и два специалиста по лабораторным исследованиям. Полностью укомплектованное подразделение скорой помощи. Оборудование позволяет проводить любые обследования, какие вы только можете себе представить, начиная от простой рентгенографии до полного обследования всего тела. Кроме того, есть и отлично оборудованная патологоанатомическая лаборатория на седьмой палубе.

– А сколько коек в стационаре?

– Сорок восемь, и их количество можно удвоить, если возникнет необходимость. Давайте надеяться, что этого не случится. Пока у нас ничего такого не было. – Ашер остановился у двери с табличкой «КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ № 2». – Ну вот мы и пришли.

Конференц-зал был невелик и освещен еще более тускло, чем приемная. На одной стене висел большой экран для видеоконференций, а на остальных – картины природы и морские пейзажи. Почти все помещение занимал большой круглый стол. У дальнего края сидели два человека, мужчина и женщина. Под белыми лабораторными халатами на обоих была военная форма.

Крейн вошел, и мужчина невысокого роста с редкими волосами мышиного цвета и водянистыми голубыми глазами вскочил со своего места.

– Роджер Корбетт, – сказал он, потянувшись через стол, чтобы пожать Крейну руку.

У него была небольшая, аккуратно подстриженная бородака того типа, который так любят интерны-психиатры.

– А, вы психолог, – произнес Крейн, обмениваясь рукопожатием. – Я ваш новый сосед.

– Я так и понял.

Голос у Корбетта оказался удивительно низкий для его роста, и говорил он медленно и размеренно, словно взвешивая каждое слово. На носу у него сидели круглые очки в серебряной оправе.

– Простите, что нарушаю ваш домашний распорядок.

– Ничего. Особенно если вы не храпите.

– Не обещаю. Лучше держать дверь закрытой.

Корбетт рассмеялся.

– А это Мишель Бишоп, – произнес Ашер, указывая на женщину, по-прежнему сидящую за столом. – Доктор Бишоп, это Питер Крейн.

Доктор Бишоп кивнула:

– Очень приятно.

– Взаимно.

Молодая женщина с темно-русыми волосами была стройной и высокой – настолько, насколько был невелик ростом Корбетт; у нее оказался пристальный взгляд. Она была привлекательна, но не более того. Крейн решил, что это она – главный врач на станции. «Интересно, что она не встала и не подала руки», – подумал Крейн.

– Присаживайтесь, доктор Крейн, – пригласил Корбетт, возвращаясь на свое место.

– Называйте меня Питером.

Ашер улыбался, глядя на всех по очереди, словно гордый отец.

– Питер, оставляю вас на любезном попечении этих двоих. Они введут вас в курс дела. Мишель, Роджер, я загляну к вам позже.

Ашер подмигнул присутствующим и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Выпьете что-нибудь, Питер? – спросил Корбетт.

– Нет, спасибо.

– Может, хотите перекусить?

– Нет, не волнуйтесь, ничего не хочу. Чем раньше мы займемся медицинской проблемой, тем лучше.

Корбетт и Бишоп обменялись взглядами.

– Видите ли, доктор Крейн, – заговорила Бишоп, – это не проблема, а проблемы.

– Да? Что ж, я не удивлен. В конце концов, если мы имеем дело с кессонной болезнью, у нее бывают самые разные проявления.

Кессонная болезнь была так названа потому, что впервые ее открыли в середине девятнадцатого века среди людей, работавших в условиях повышенного давления. Случаи наблюдались в первом кессоне, вырытом под Ист-Ривер в Нью-Йорке при строительстве Бруклинского моста. Если рабочие после пребывания в условиях повышенного давления выходили из кессона на воздух слишком быстро, в их кровеносных сосудах образовывались пузырьки азота. Помимо других симптомов, это причиняло сильную боль в руках и ногах. Часто пострадавшие сгибались пополам от боли, и синдром получил довольно саркастическое название «греческий наклон». Позднее термин сократился до «наклона». Принимая во внимание глубину, на которой работала экспедиция, и саму природу раскопок под Атлантикой, Крейн был уверен, что без кессонной болезни тут не обошлось.

– Думаю, у вас есть гипербарическая кислородная камера или какое-нибудь другое декомпрессионное оборудование, которое вы используете для лечения пострадавших? – спросил он. – Когда мы закончим, я, если вы не возражаете, хотел бы сам с ними поговорить.

– Знаете, доктор, – довольно сухо сказала Бишоп, – мы добьемся большего успеха, если вы позволите мне описать симптомы, а не будете сами строить предположения.

Крейн удивился. Он посмотрел на женщину, не понимая, почему она так резко ответила.

– Извините, если я слишком увлекся. Я проделал долгий путь, и мне очень интересно. Рассказывайте.

– Недели две назад мы отметили, что начались кое-какие проблемы. Сначала скорее психологического свойства, чем физиологического. Роджер, как психолог станции, отметил, что выросло число обращений.

Крейн взглянул на Корбетта:

– Какого рода?

– Некоторые люди жаловались на нарушение сна, – ответил Корбетт. – Другие просто говорили о недомогании. Было несколько случаев пищевых расстройств. Самая распространенная жалоба звучала так: невозможно сосредоточиться на своей работе.

– А несколько дней назад начались физиологические проблемы, – подхватила Бишоп. – Запоры. Тошнота. Неврастения.

– Люди здесь, наверное, работают в две смены, – заметил Крейн. – Неудивительно, что они чувствуют усталость.

– Еще были жалобы на нервные тики и мышечные спазмы.

– Тики? – переспросил Крейн. – И никакой боли?

Бишоп посмотрела на него с укором, словно желая сказать: «Я бы не стала ничего утаивать».

– Это не вяжется с кессонной болезнью, – продолжал Крейн. – По крайней мере, я о таком не слышал. Но я не понимаю, чем вы встревожены. Проблемы концентрации внимания, запоры, тошнота... все это неспецифические жалобы. Может быть, это просто стресс, вызванный работой. Ведь, в конце концов, люди находятся в необычных условиях и решают необычные задачи.

– Я еще не закончила, – возразила Бишоп. – На этой неделе ситуация ухудшилась. Три случая аритмии у людей, которые не страдали сердечными заболеваниями. У одной женщины – двусторонняя слабость мышц ладоней и лица. И еще два человека перенесли, как выяснилось, переходящее ишемическое нарушение.

– Неужели? – удивился Крейн. – Насколько тяжелое?

– Частичный паралич, неразборчивая речь. В обоих случаях это длилось меньше суток.

– А возраст?

– Около тридцати лет.

– Да? – Крейн нахмурился. – Для инсульта очень молодой возраст. Значит, два инсульта. Неврологические исследования проводились?

– Обижаете, доктор. Конечно. Неконтрастная томография черепа, ЭКГ, чтобы выявить побудительные причины для кардиоэмболических симптомов, ну и так далее. На станции нет прибора для снятия энцефалограммы, которую, как вы, без сомнения, знаете, делают в случаях приступов или комы, но, так или иначе, в этом не было необходимости. Все шло совершенно нормально.

Она снова говорила с некоторой резкостью. «А она ревнива, – подумал Крейн. – Это ее территория, и она не хочет, чтобы я туда заходил».

– Но, – сказал он вслух, – это первый симптом дисбаризма, о котором я сегодня услышал.

– Дисбаризма? – переспросил Корбетт, моргнув глазами в круглых очках.

– Декомпрессионной болезни. Кессонной болезни.

Бишоп вздохнула:

– Видите ли, я уверена, что кессонная болезнь здесь абсолютно ни при чем.

– Почему? Я считал...

Крейн замолчал. Он подумал, что Ашер так и не сказал ему, в чем же все-таки дело. Принимая во внимание особенности станции «Глубоководный шторм», сам Крейн решил, что это кессонная болезнь. Но сейчас ему пришло в голову, что с выводами он, возможно, поторопился.

– Извините, – продолжал он, помедлив. – Никак не могу понять, зачем же вы тогда меня пригласили.

– Это Говард Ашер вас пригласил, – сказала Бишоп и впервые улыбнулась.

В комнате ненадолго воцарилось молчание.

– Вы смогли выявить какие-нибудь закономерности? – спросил наконец Крейн. – Может быть, пострадавшие работают на одной палубе или в одной зоне станции?

Бишоп покачала головой:

– Обращались пациенты со всех уровней и из всех основных зон.

– Значит, общего нет ничего. Нет и одинаковых жалоб. Мне кажется, это просто совпадение. Сколько всего человек вы приняли?

– Мы с Роджером, пока ждали вас, подсчитали. – Бишоп вытащила листок бумаги из кармана лабораторного халата и посмотрела в записи. – Станция работает примерно пять месяцев. В среднем к психологу и медикам обращались двенадцать-пятнадцать больных в неделю. Ничего серьезнее фарингита у нас раньше не было. Но когда это началось, мы приняли сто три пациента.

Крейн был потрясен:

– Сто три? Господи, да это...

– Больше чем четверть населения станции, доктор. Слишком много, чтобы быть простым совпадением.

И с почти триумфальным видом она убрала листок в карман.

7

Крейн стоял в своей комнате на десятой палубе, задумчиво потирая подбородок. Было тихо. В неярко освещенной каюте, маленькой, как и все остальные помещения станции, помещались узкая койка, два стула, стенной шкаф для одежды и стол с терминалом, подключенным к центральной сети станции. На стене висел аппарат местной связи: Крейн мог вызвать медпункт или позвонить в боулинг-зал и забронировать дорожку, а то и заказать пиццу с Таймс-сквер. Голубые стены украшал лишь большой плоский телевизор.

Обе двери в комнате были из того же странного материала платинового цвета, как и многое на станции, но тут они вдобавок имели окантовку из светлого дерева. Одна дверь вела в коридор, а другая в ванную, которую он делил с Роджером Корбеттом. Психолог предложил пообедать в «Верхушке» – так прозаично называлась кают-компания на одиннадцатой палубе. Крейн ответил, что придет прямо туда. Сначала ему хотелось немного побыть одному.

На столе лежал запечатанный конверт, на котором было имя доктора и штрих-код. Крейн взял его, ногтем сломал печать и высыпал содержимое на стол. Оттуда выпал большой бейдж с прищепкой для кармана и магнитной полосой, флешка на шнуре, очередной экземпляр брошюры «Свод правил секретных операций», двухстраничный список книг по Атлантиде – все можно было взять в библиотеке или скачать себе на терминал – и конверт с паролями для выхода в общую сеть и на сервер медпункта.

Крейн повесил шнурок на шею, прицепил бейдж к карману. Потом присел за стол и посмотрел на пустой экран.

Наконец, вздохнув, он включил компьютер и ввел временный пароль, прервавшись, чтобы потереть точку на предплечье, куда несколько минут назад был вживлен радиочип. Открыв текстовый редактор, Крейн начал печатать.

Неспецифические симптомы:
физиологические – и неврологические? – дефициты
психологические – отделение/разделение
Проверить клинические записи
Поискать похожие случаи?
Атмосфера / окр. среда?
Отравление: систематическое или общее?
Ранее существовавшие условия?

Он отодвинулся от стола и посмотрел на экран. «Кессонная болезнь? Избыток азота?» – спрашивал он Ашера с платформы «Сторм кинг». «Скорее первое, чем последнее», – был ответ. Только сейчас Крейн начал понимать, насколько уклончиво говорил с ним ученый. Доктор Ашер, каким бы открытым и дружелюбным ни выглядел, ухитрился не сказать ничего.

Это было неприятно, даже немного тревожило. И только в одном случае не имело значения. Крейн начал наконец понимать, почему Ашер хотел, чтобы приехал именно он...

– Ну что, проясняется? – раздался голос у него за плечом.

Крейн чуть не выпрыгнул из кресла. Он с бьющимся сердцем оглянулся, и глазам его предстало удивительное зрелище.

В комнате стоял старик в полинялом комбинезоне. Взгляд его был пронзителен, а надо лбом, как у Эйнштейна, торчала копна седых волос. Незнакомец оказался невысокого роста, не более пяти футов, и очень худой. Сначала Крейн подумал, уж не пришел ли его гость,

чтобы починить что-нибудь. Дверь по-прежнему оставалась закрытой. Крейн не слышал ни стука, ни других звуков, словно человек материализовался из воздуха.

– Простите?

Мужчина посмотрел на монитор через плечо Крейна:

– Ну и ну. Так мало слов, так много вопросов.

Одним нажатием клавиши Крейн очистил экран.

– Не помню, чтобы мы знакомились, – сухо сказал он.

Старик рассмеялся высоким мелодичным смехом, похожим на щебет птицы.

– Да, я и пришел познакомиться. Я узнал, что на станции появился доктор Крейн, и заинтересовался. – Он протянул руку. – Флайт.

– Рад познакомиться.

Повисло неловкое молчание, и Крейн задал нейтральный вежливый вопрос:

– Чем вы здесь занимаетесь, доктор Флайт?

– Автономными механическими системами.

– А что это?

– Сразу видно новичка. Станция – как город на Диком Западе, и если вы, как и я, любите вестерны, то не советую задавать два вопроса: «Откуда вы?» и «Зачем вы здесь?» – Флайт помолчал. – Достаточно сказать, что я незаменим – скорее, к сожалению. И моя деятельность имеет высшую степень секретности.

– Очень интересно, – беспомощно сказал Крейн, не найдя лучшего ответа.

– Вы так считаете? У меня другое мнение. Нет ничего хорошего, доктор Крейн, в работе *vũm eos óáíρω*.

Крейн моргнул.

– Простите?

– О господи, еще один! – Флайт возвел глаза к небу. – Неужели никто больше не знает родного языка? А ведь были времена, когда древнегреческий звучал на всех устах. – Он погрозил Крейну пальцем. – «Океан, прародитель богов». Гомер, изволите ли видеть, был моим соотечественником. Вам бы не помешало прочесть его.

Крейн подавил желание посмотреть на часы. Роджер Корбетт ждет его в кают-компании.

– Был рад познакомиться...

– Взаимно, – перебил Флайт. – Я великий почитатель всех, кто практикует благородное искусство.

Незванный гость начал раздражать Крейна. Он даже удивился, что человек, подобный Флайту, мог пройти отбор, который проходили все допущенные к работе на станции. Крейн понадеялся, что Флайт не доставит особого беспокойства. Лучше всего, решил он, прекратить любую воображаемую дружбу сразу.

– Доктор Флайт, думаю, у вас впереди напряженный рабочий день, как и у меня...

– Ничего подобного! У меня столько времени, сколько мне нужно... сейчас. Вот когда возобновят проходку, тогда я со своими умениями могу понадобиться.

Он вытянул руки и пошевелил пальцами, словно пианист перед концертом. Затем гость обвел комнату горящим взглядом и заметил открытую сумку.

– Что тут у нас? – произнес он, наклоняясь и вынимая несколько книжек, выглядывавших из сумки. Сверху лежала антология поэзии двадцатого века. – Зачем это? – почти сурово спросил Флайт.

– А что такое? – Крейн почувствовал досаду. – Это сборник стихов.

– У меня нет времени на современную поэзию, и у тебя не должно быть. Я же сказал: читай Гомера.

Мужчина бросил книгу в сумку и вытащил другой том: «Число π , его история и загадка».

– Ага! А это что?

– Это книга об иррациональных числах.

Гость рассмеялся своим высоким мелодичным смехом и кивнул:

– И точно! Да как уместно!

– Уместно для чего?

Флайт с удивлением посмотрел на Крейна:

– Иррациональные числа! Разве непонятно?

– Нет. Непонятно.

– Да ведь это так очевидно. Среди тех, кто здесь работает, немало людей иррациональных. Если еще нет, боюсь, скоро иррациональными станем мы все. – Он вытянул тощий указательный палец и постучал по груди Крейна. – Вот почему тебя пригласили. Потому что сломалось.

– Что сломалось? – спросил Крейн.

– Все сломалось, – повторил Флайт тревожным шепотом. – Или скоро сломается.

Крейн нахмурился:

– Мистер Флайт, если вы не возражаете...

Старик вытянул руку. Кажется, его внезапная тревога прошла; узловатым пальцем он упирался Крейну в грудь.

– С тобой это еще не случилось, но у нас много общего.

Он многозначительно замолчал.

Крейн сглотнул. Он не собирался спрашивать, о чем идет речь. Но похоже, Флайту помощь в разговоре была не нужна. Он подался вперед, словно собираясь сообщить какой-то секрет:

– Наши имена. Крейн. Флайт. Понимаешь?

Крейн вздохнул:

– Не обижайтесь, но вынужден попросить вас уйти. У меня назначена встреча, на которую я уже опоздал.

Щуплый старик склонил голову набок и схватил Крейна за руку:

– Очень рад был знакомству, доктор Крейн. Как я сказал, у нас есть кое-что общее.

И нам надо держаться вместе.

Подмигнув на прощание, он торопливо вышел, оставив дверь открытой. Через секунду Крейн с любопытством выглянул в коридор. Там не было и следа чудного старика, словно он и не приходил.

8

Говард Ашер сидел за столом в своем тесном кабинете на восьмом уровне и внимательно смотрел на компьютерный экран. Свет от плоского монитора окрашивал его седые волосы в странный, какой-то неземной голубой цвет.

Позади стоял металлический шкаф, битком набитый руководствами по эксплуатации и учебниками по океанографии и биологии моря, среди которых затесались несколько потрепанных поэтических сборников. Над шкафом висели в рамках гравюры – репродукции эскизов Пиранези³, взятых из «Видов Рима».

В другом шкафу, поменьше, со стеклянными дверцами, хранилось собрание морских редкостей: окаменелая латимерия, щербатый гандшпуг⁴ со старого клипера, зуб плащеносной акулы, ведущей исключительно отшельнический образ жизни.

Ни крошечный размер кабинета, ни эклектичные коллекции никак не могли служить свидетельством того, что владелец занимал пост руководителя отдела научных исследований Национальной океанографической службы.

Сквозь закрытую дверь послышался тихий звук приближающихся шагов. В стеклянном окошечке двери появилось лицо. Обернувшись, Ашер узнал рыжие волосы и веснушчатые скулы Пола Истона, одного из морских геологов, занятых в проекте.

Ашер повернулся на стуле, потянулся и открыл дверь:

– Пол! Рад тебя видеть.

Истон вошел, закрыл за собой дверь.

– Надеюсь, что зашел к вам вовремя, сэр.

– Сколько говорить тебе, Пол? Меня зовут Говард. На станции мы все называем друг друга по именам. Только не передавай адмиралу Спартану, что я тебе это сказал! – рассмеялся Ашер.

Истон, однако, смеяться не стал.

Ашер внимательно посмотрел на него. Истон, обычно озорной парень, любитель розыгрышей и совершенно неприличных стишков, сегодня хмурился, выражение молодого лица было мрачным. Даже больше – встревоженным.

Ашер махнул рукой в сторону единственного свободного стула:

– Садись, Пол, и расскажи, что тебя беспокоит.

Истон тут же сел, но по-прежнему молчал. Вместо этого он поднял руку к шее и начал осторожно ее тереть.

– Что-то случилось, сынок? – спросил Ашер.

– Не знаю, – сказал Истон. – Наверное.

Он все еще потирал шею. Каждому, кто работал в секретной зоне станции, был вживлен микрочип. Целая система сканеров следила за передвижениями сотрудников и передавала информацию на центральный компьютер. Ашер знал, что у некоторых людей появляется легкая аллергия на имплантацию.

– Вулканизм, – вдруг сказал Истон.

– Вулканизм?

– На месте раскопок. Я работал с образцами базальта со дна, чтобы установить дату события.

Ашер кивнул, подбадривая его.

³ *Пиранези Джованни Баттиста* (1720–1778) – итальянский археолог, архитектор и художник-график, мастер архитектурных пейзажей.

⁴ *Гандшпуг* – деревянный или железный рычаг, используемый при подъеме или передвижении тяжестей.

– Знаете, как это бывает. – Истон, похоже, начал нервничать, а может быть, приготовился защищаться. – Подводные течения в этой зоне очень сильные, и все осадки на дне смешаны в кучу.

– Это термин такой? – попытался пошутить Ашер.

Истон его шутки не заметил.

– Там нет отдельных слоев, стратификацию не сделаешь. Пробы, взятые из верхних отложений, совершенно бесполезны. Визуальное наблюдение тоже не помогает провести правильную датировку. Здесь не то что на поверхности земли – нет ни выветривания, ни эрозии. И я попытался определить возраст базальтовых образований путем перекрестного сравнения с образцами из нашей геологической базы данных. Но не мог найти подходящей пары. Тогда я решил определить возраст проб по следам радиоактивных изотопов в базальте.

– Продолжай.

– Ну... – Кажется, Истон нервничал все сильнее. – Вы знаете, как мы обычно делаем грубую оценку времени события. Дело в том, что... – Он запнулся и начал по-другому: – Для тестов я принял те же допущения. А перемагничивание не проверял.

Ашер понял, почему Истон так взволнован. Он сделал непозволительную для ученого ошибку – принял допущение и пропустил базовый тест, который должен был провести. Ашер немного успокоился. Неприятно, болезненно, но в настоящих условиях вряд ли эта промашка сильно испортит дело.

Время изобразить строгого отца семейства.

– Хорошо, что ты сказал мне, Пол. Всегда неприятно, когда мы понимаем, что нарушили научную методику. И чем глупее ошибка, тем хуже мы себя чувствуем. Хорошо, что никаких важных результатов ты не испортил. Что я тебе скажу? Это плохо, но не смертельно.

Но Истон был по-прежнему встревожен.

– Нет, доктор Ашер. Вы не поняли. Видите ли, сегодня я провел этот тест. Я положил пробы в размагничивающую катушку, замерил магнитное поле. Так вот, перемагничивания в образце не наблюдалось.

Ашер приподнялся на стуле. Потом медленно сел, стараясь не выдать своего удивления.

– Что ты сказал?

– Пробы. Перемагничивания не наблюдается.

Ашер облизал губы:

– Ты уверен, что образцы были положены правильно?

– Совершенно.

– И убедился, что не было аномалии, а пробы взяты качественные?

– Я проверил все. В каждом случае результаты были одинаковые.

– Но этого не может быть. Перемагничивание – безошибочный метод определения возраста минералов. – Ашер вздохнул. – Это должно означать, что катастрофа случилась даже раньше, чем мы думали. То есть было два перемагничивания вместо одного. Север на юг, а потом снова юг на север. Уверен, что изотопное исследование это подтвердит.

– Нет, сэр, – ответил Истон.

Ашер грозно посмотрел на него:

– Что значит «нет»?

– Я уже провел изотопный анализ. Распад почти не наблюдается.

– Невозможно, – ответил Ашер.

– Я провел четыре часа в радиографической лаборатории. Три раза тестировал. Вот результаты.

Истон достал из кармана лабораторного халата DVD-диск и положил его на стол перед Ашером.

Ашер бросил на него взгляд, но брать не стал.

– Значит, все наши выводы неверны. Получается, что катастрофа произошла в другое время и совсем не так давно, как мы думали. И какую дату ты можешь назвать, основываясь на своих тестах?

– Пока только приблизительную, сэр.

– И?

– Примерно шестьсот лет назад.

Ашер очень медленно прислонился к спинке кресла.

– Шестьсот лет...

И снова в крохотном кабинете воцарилось молчание.

– Надо будет взять один из роверов, – наконец сказал Ашер. – Поставить на него электронный магнитометр и несколько раз пройти участок. Сделаешь?

– Да, доктор Ашер.

– Очень хорошо.

Ашер наблюдал, как молодой геолог встает, кивает и поворачивается к двери.

– Пол... – тихо позвал он.

Молодой человек обернулся.

– Сделай это прямо сейчас. И никому не говори. Ни одной живой душе.

9

Крейн поднял голову от цифрового планшета, на котором делал заметки пластиковым пером.

– И все? – спросил он. – Просто болят ноги?

Мужчина на больничной койке кивнул. Даже одеяло не скрывало его тела – высокого, хорошо сложенного. Цвет кожи у него был нормальный, глаза смотрели ясно.

– По десятибалльной шкале – насколько сильная боль?

Пациент немного подумал:

– По-разному. Примерно шесть. Иногда сильнее.

«Нефибрильная миалгия» – записал Крейн на планшете. Казалось невозможным – нет, это и было невозможно, – что два дня назад этот человек перенес микроинсульт. Он был слишком молод, кроме того, ни одно исследование ничего не показало. Отмечались только начальные жалобы – частичный паралич, неразборчивая речь.

– Благодарю, – произнес Крейн, закрывая планшет. – Я навещу вас, если будут еще вопросы.

И он отошел от кровати.

Хотя медицинское отделение на станции именовалось «пунктом», однако оно могло похвастать оборудованием, какому позавидовал бы любой госпиталь средней руки. Кроме сектора первой помощи, хирургических операционных и двух десятков палат имелись многочисленные отсеки для специального оборудования – от рентгенологического до кардиологического. Был и отдельный комплекс, где размещались рабочие помещения персонала и комнаты для совещаний. Там Крейн и получил небольшой, но хорошо оборудованный кабинетик, к которому примыкала лаборатория.

Среди новых пациентов, о которых говорила доктор Бишоп, только трое чувствовали себя настолько плохо, что их нужно было госпитализировать. Крейн уже побеседовал с двумя больными – сорокадвухлетним мужчиной, страдавшим рвотой и поносом, и вот этим, предполагаемой жертвой инсульта, и выяснилось, что ни один ни другой больше не нуждаются в стационарном лечении. Нет сомнения, доктор Бишоп просто держала их под наблюдением.

Крейн повернулся и кивнул Бишоп, стоявшей поодаль.

– Никаких признаков ишемического приступа, – сказал он, когда врачи вышли в коридор.

– Кроме начального состояния.

– Говорите, сами его наблюдали?

– Да. И все признаки ишемии были налицо.

Крейн помолчал. Пока он осматривал этих двоих пациентов, Бишоп говорила мало, но враждебность по-прежнему ощущалась. Ей бы не понравилось, если бы ее диагноз подвергли сомнению. Придется быть максимально тактичным.

– Самые разные состояния могут давать сходные симптомы... – начал он осторожно.

– Я проходила интернатуру в кардиологическом отделении и повидала немало больных с ишемией. Поэтому ни с чем ее не спутаю.

Крейн вздохнул. Недружелюбие Бишоп стало утомлять. Конечно, никому не понравится, когда вмешиваются в его работу, и, наверное, Мишель считает, что Крейн вторгся на ее территорию. Но дело в том, что медики на станции провели только самые поверхностные исследования, рассматривая каждую жалобу отдельно. Крейн был убежден, что если бы они копнули глубже, изучив проблему в комплексе, то смогли бы выявить нечто общее.

И вопреки всему, что рассказала ему Бишоп, он по-прежнему считал, что все случаи так или иначе связаны с кессонной болезнью.

– Вы мне так и не ответили, – сказал он. – Здесь ведь есть гипербарическая камера?

Она кивнула.

– Я бы хотел поместить этого человека туда. Посмотрим, может быть, понижение давления и чистый кислород облегчат боли в конечностях.

– Но...

– Доктор Бишоп, Ашер сказал мне, что для обеспечения высокого давления здесь, на станции, используется секретная технология, пока не слишком опробованная в полевых условиях. Может быть, всему виной кессонка.

Бишоп не ответила. Она нахмурилась и отвернулась.

Крейн начал терять терпение.

– Поговорите с Ашером, если вам не нравится, – сказал он жестко. – Он пригласил меня, чтобы я высказал свое мнение. Этого больного надо определить в декомпрессионную камеру. – Он помолчал, давая ей время подумать над его словами. – А теперь навестим пациента номер три.

Самый интересный случай он приберег напоследок – под номером три значилась женщина, которая жаловалась на онемение и слабость мышц обеих рук и лица. Когда они вошли, она не спала. Ее кровать была окружена приборами контрольной аппаратуры самого последнего поколения, которые издавали негромкие сигналы. Крейн сразу почувствовал, что здесь атмосфера другая. Он заметил и отчаяние в светло-карих глазах, и напряженное от беспокойства, исхудавшее тело. Даже не прибегая к диагностике, он мог сказать, что случай серьезный.

Крейн открыл планшет, и жидкокристаллический экран ожил. Автоматически появилась анкета истории болезни. «Наверное, подключен к датчику ближней локации», – подумал Крейн.

Общие сведения были таковы:

Имя: Филиппс, Мэри И.

Пол: Ж

Возраст: 36

Жалобы: Двусторонняя мышечная слабость /онемение рук и лица.

Подняв взгляд от планшета, Крейн увидел, что в комнате появился морской офицер. Высокий худой человек, светлые глаза которого были посажены слишком близко к носу, причем правый глаз немного косил. На рукаве моряка были нашивки командера, а золотая эмблема на левом уголке воротника указывала, что он принадлежит к службе разведки. Вытянув руки по бокам, мужчина прислонился к косяку двери и не смотрел ни на Бишоп, ни на Крейна.

Врач повернулся к больной, решив не обращать внимания на вновь прибывшего.

– Мэри Филиппс? – спросил он, автоматически переходя на тот спокойный тон, каким давным-давно научился разговаривать с пациентами.

Женщина кивнула.

– Я не отниму у вас много времени, – сказал он улыбаясь. – Мы пришли, чтобы помочь вам скорее поправиться.

Пациентка тоже ответила улыбкой – едва заметным подергиванием губ.

– Вы по-прежнему ощущаете онемение лица и рук?

Мэри снова кивнула, моргнула и промокнула глаза салфеткой. Крейн увидел, что, когда она моргает, веки смыкаются не полностью.

– В какой момент вы впервые это почувствовали? – спросил он.

– Дней десять назад. – Женщина говорила с акцентом уроженки Среднего Запада. – Нет, недели две. Сначала ощущение было такое слабое, что я не обратила внимания.

– Вы были на работе или отдыхали, когда заметили это впервые?

– На работе.

Крейн взглянул на планшет:

– Здесь не указано, чем вы занимаетесь.

За нее ответил офицер у двери:

– Потому что, доктор, это не имеет большого значения.

Крейн повернулся к нему:

– Кто вы?

– Коммандер Королис. – У мужчины был низкий, тихий, какой-то вязкий голос.

– Так вот, коммандер, думаю, что место ее работы имеет большое значение.

– Почему? – спросил Королис.

Крейн посмотрел на пациентку. Она ответила ему тревожным взглядом. Доктор подумал, что не стоит больше беспокоить женщину. Он показал в сторону холла, жестом приглашая коммандера Королиса выйти.

– Мы проводим обследование, – произнес Крейн, когда они вышли и больная не могла их слышать. – Для точного диагноза важен каждый факт. Очень может быть, что на нее повлияли условия работы.

Королис покачал головой:

– Нет, не повлияли.

– Откуда вам знать?

– Вам придется мне поверить.

– Извините, мне это не нравится.

Крейн повернулся, чтобы уйти.

– Доктор Крейн, – тихо произнес Королис. – Мэри Филипс работает в закрытой зоне станции и занимается секретной работой. Вам не позволят задавать вопросы, так или иначе относящиеся к ее деятельности.

Крейн подскочил к нему.

– Вы не можете... – начал он.

И замолчал, с трудом подавляя гнев. Кем бы ни был этот Королис, он явно представляет власть. Или думает, что представляет. «К чему такая секретность, – подумал Крейн, – в научной экспедиции?»

Врач молчал, напоминая себе, что он здесь новичок и еще не знает всех правил – ни писанных, ни неписанных. Похоже, в этом бою ему не победить. Но он, черт возьми, еще поговорит об этом с Ашером.

Больше ничего не говоря, Крейн отвернулся от офицера и вошел в палату. Доктор Бишоп по-прежнему стояла у кровати, сохраняя нейтральное выражение лица.

– Извините, мисс Филипс, – сказал Крейн. – Давайте продолжим.

В течение четверти часа он провел подробный осмотр – и общего состояния, и неврологический. Постепенно доктор забыл о присутствии коммандера Королиса, потому что полностью сосредоточился на состоянии пациентки.

Случай оказался неординарный. Отмечалась двусторонняя слабость мускулов лица – как верхних, так и нижних. При проверке реакции на укол иглой выявлено значительное ухудшение тригеминальной проводимости. Сгибание шеи не ухудшилось, так же как и разгибание. Но он обратил внимание, что ощущение температуры сильно снижено и в районе шеи, и по всей верхней части тела. Также он с удивлением заметил значительную и, судя

по всему, недавно начавшуюся дистрофию мускулов рук. Проверяя глубокие сухожильные рефлексы, а потом подошвенную реакцию, Крейн начал кое-что подозревать.

Каждый врач мечтает обнаружить какой-нибудь редкий или интересный прецедент – такой, о котором пишут в медицинской периодике. Но подобное случается редко. Однако, что касается Мэри Филипс, симптомы ее болезни как раз свидетельствовали о таком вот редком случае. И Крейн, который частенько засиживался допоздна, читая специальные журналы, подумал, что, может быть – всего лишь может быть, – ему посчастливилось обнаружить этот случай. «Может быть, я приехал сюда именно за этим».

Наклонившись, Крейн исследовал ее миндалины – заметно увеличенные, желтоватые, с явно выраженной дольчатостью. Очень интересно.

Поблагодарив женщину, он отошел, взял планшет и проверил анализ крови.

Белые кровяные тельца (в мм) 3100
Гематокрит (%) 34,6
Тромбоциты (на мм) 104 000
Глюкоза (мг/дл) 79
Триглицериды (мг/дл) 119
СОЭ (мм/ч) 48,21

Крейн подошел к доктору Бишоп.

– Что вы думаете? – спросил он.

– Я надеялась услышать ваше мнение, – ответила она. – Вы ведь главный специалист.

– Я не главный специалист. В первую очередь я врач и ваш коллега и надеюсь на сотрудничество.

Бишоп молча посмотрела на него. Крейн почувствовал, что опять злится, и на этот раз сильнее – злится на всю эту непонятную секретность, на торчащего тут командера Королеса, а особенно на упрямую Бишоп, которая не хочет ему помочь. Ну он ей покажет!

Крейн резко закрыл планшет.

– Вы проводили исследования на антитела, доктор?

Она кивнула:

– На вирусный гепатит А и С, на иммуноглобулин. Результаты отрицательные.

– Моторная проводимость?

– Нормальная двусторонняя.

– Ревматоидный фактор?

– Положительный. Восемьдесят восемь единиц на миллилитр.

Крейн помолчал. Вообще-то, это были именно те исследования, которые он собирался провести.

– В анамнезе не выявлено ни артралгии, ни анорексии, ни виброболести, – сообщила Бишоп.

Крейн с удивлением посмотрел на нее. Неужели она тоже пришла к тому же неожиданному выводу? Не может быть!

Он решил вызвать ее на откровенность.

– Начинающаяся атрофия мышц кисти позволяет предположить синдромомиию. Так же, как и потеря чувствительности верхней части тела.

– Но признаки ригидности нижних конечностей отсутствуют, – тут же возразила она. – Тем более что медуллярная дисфункция выражена очень слабо. Это не синдромиия.

Крейн еще больше удивился ее глубоким познаниям. Но долго она не продержится.

«Пора выкладывать карты на стол», – подумал он.

– А сенсорные дефекты? Невропатия? Вы заметили, какие у нее миндалины?

Бишоп по-прежнему смотрела на него ничего не выражающим взглядом:

– Да, заметила. Увеличенные, окрашенные в желтоватый цвет.

Наступило молчание.

Наконец ее лицо медленно озарилось улыбкой.

– Доктор, – сказала она, – неужели вы подозреваете танжерскую болезнь?

Крейн замер. Медленно-медленно расслабился. И понял, что не может не улыбнуться в ответ.

– Вообще-то, да, – немного застенчиво признался он.

– Танжерская болезнь... Что же получается? Половина персонала у нас на станции поражена редкими генетическими заболеваниями?

Бишоп говорила мягко, без всякого упрека. Даже улыбка, подумал Крейн, похожа на настоящую.

И вдруг, перебивая классическую музыку, зазвучала сирена – громко, частыми гудками. В коридоре вспыхнул желтый свет.

Бишоп перестала улыбаться.

– Оранжевый код, – сказала она.

– Что?

– Медицинская тревога. Скорее!

Она уже бежала к двери.

10

Бишоп остановилась у стойки регистратора и взяла рацию.

– Позовите Корбетта! – крикнула она женщине за стойкой.

Бишоп выскочила из медицинской зоны и побежала по коридору в сторону Таймсквер, а Крейн поспешил за ней. На бегу Бишоп набрала код на рации, настроилась на нужную волну.

– Доктор Бишоп просит указать точку, оранжевый код.

Наступила недолгая пауза, и раздался ответный сигнал:

– Точка оранжевого кода – пятый уровень, ангар ремонта роверов.

– Пятый уровень, вас поняла, – ответила Бишоп.

У одного из кафе стоял лифт с открытыми дверями; они вбежали в кабину, и Бишоп нажала самую нижнюю кнопку на панели – с цифрой 7.

И снова заговорила в рацию:

– Запрашиваю тип чрезвычайной ситуации.

– Код происшествия пять – двадцать два, – ответили ей.

– И что это? – спросил Крейн.

Бишоп взглянула на него:

– Острый психоз.

Двери лифта открылись, и вслед за Мишель Бишоп Крейн вышел в ярко освещенный зал на пересечении коридоров. Они расходились в трех направлениях, и Бишоп побежала по тому, который лежал прямо перед ними.

– А медицинское оснащение? – спросил Крейн.

– На каждом уровне есть НПП, набор первой помощи. Если надо, мы его используем.

Крейн заметил, что этот уровень кажется более тесным, чем предыдущие, которые он уже видел. Коридоры оказались уже, отсеки – меньше. Люди, которых они встречали, были одеты либо в лабораторные халаты, либо в комбинезоны инженеров. Крейн вспомнил, что здесь помещаются лаборатории и компьютерный центр. Несмотря на работающую вентиляцию, в воздухе стоял густой запах химических веществ, озона и нагретых электронных приборов.

Они добрались до следующего перекрестка коридоров, и Бишоп свернула направо. Крейн следовал за ней. Впереди он увидел нечто неожиданное: коридор резко расширился и упирался в черную стену. Стена была ровной и гладкой, ее поверхность нарушал только тамбур-шлюз в центре. Люк охранялся четырьмя военными полицейскими с винтовками, а пятый находился рядом, в будке поста контроля. Большое табло сверху светилось красным.

– Что это? – спросил Крейн, инстинктивно замедляя ход.

– Барьер, – ответила Бишоп.

– Что?

– Вход на закрытые уровни.

При их приближении двое полицейских преградили путь к шлюзу, держа винтовки перед грудью.

– Пропуск, мадам? – спросил один из них.

Бишоп подошла к будке. Пятый полицейский вышел и провел сканером вдоль ее шеи. Раздался громкий сигнал.

Полицейский посмотрел на небольшой индикатор в верхней части сканера:

– У вас нет допуска.

– Я Мишель Бишоп, главный врач станции. У меня есть допуск на четвертую, пятую и шестую палубы. Проверьте еще раз.

Полицейский шагнул в будку и сверился с компьютером. Через некоторое время мужчина вернулся:

– Очень хорошо. Проходите. Эскорт будет ждать вас на той стороне.

Бишоп двинулась к шлюзу. Крейн хотел пойти за ней, но охрана не пустила его. Полицейский подошел к нему со сканером и провел им вдоль шеи Крейна.

– У мужчины нет чипа, – сказал он.

Бишоп обернулась:

– Это доктор, он здесь по временному контракту.

Полицейский повернулся к Крейну:

– Вам нельзя, сэр.

– Я с доктором Бишоп, – произнес Крейн.

– Извините, сэр, – сказал мужчина более сурово. – Вам нельзя, сэр.

– Послушайте, – начал Крейн. – Там несчастный случай и...

– Пожалуйста, отойдите от барьера. – Полицейский со сканером обменялся быстрым взглядом с другими.

– Я не могу этого сделать. Я доктор и собираюсь оказать помощь, нравится вам это или нет.

Крейн шагнул вперед.

Полицейские, охранявшие барьер, тут же подняли винтовки, а тот, у которого был сканер, снял с пояса шокер.

– Отставить, Феррара! – раздался мощный голос из темной будки. – Веджман, Прайс, отставить!

Так же быстро, как заняли боевую позицию, полицейские убрали оружие и отступили. Взглянув в сторону будки, Крейн понял, что это не крохотное сооружение, а вход в большее по размерам помещение, наверное пост управления барьером. На стенах размещался десяток небольших экранов, и в полумраке мерцали бесчисленные индикаторы. Неясное движение в темноте – и в полосе света показался крепкий широкоплечий мужчина в белой адмиральской форме. У него были русые волосы с проседью и карие глаза. Он посмотрел на Крейна, потом на Бишоп и снова на Крейна.

– Я – адмирал Спартан, – сказал мужчина.

– Адмирал Спартан, – начал Крейн. – Я...

– Я знаю, кто вы. Специалист, которого пригласил Говард Ашер.

Крейн не нашел что ответить и просто промолчал.

Спартан обратился к Бишоп:

– Случай на пятом?

– Да, сэр. Ангар ремонта роверов.

– Хорошо. – Адмирал повернулся к полицейскому, которого звали Феррара. – Дайте ему разовый пропуск. Обеспечьте вооруженный эскорт и выберите безопасный путь к месту. Вы лично отвечаете, Феррара.

Полицейский четко отдал честь:

– Есть, сэр!

Спартан на секунду задержал взгляд на Крейне, потом кивнул Бишоп, повернулся и скрылся в комнате поста управления.

Феррара вошел в будку и набрал на контрольной панели какие-то команды. Красный световой сигнал над входом сменился зеленым. Лязг отпираемых тяжелых замков, свист нагнетаемого воздуха – и вот шлюз открылся. Феррара что-то сказал в микрофон у себя на пульте и махнул рукой Бишоп и Крейну – можно входить.

За дверью оказалось помещение площадью примерно двенадцать квадратных футов. Там, стоя по стойке смирно, их ожидали двое полицейских. Стены неопределенного цвета

были абсолютно голыми, а из оборудования имелась только небольшая панель рядом с одним из охранников. Крейн заметил, что на панели установлен лишь сканер, считывающий отпечаток ладони, да покрытая мягким пластиком ручка.

Дверь шлюза закрылась за ними с глухим звуком. Полицейский прижал одну ладонь к сканеру, а другую положил на рукоятку. Сканер засветился красным. Полицейский повернул рычаг по часовой стрелке. У Крейна свело живот – они начали движение вниз. Помещение оказалось лифтом.

Мысли Крейна вернулись к адмиралу Спартану. За время своей службы он повидал достаточно высших офицеров, и все они вели себя одинаково, зная, что их приказы выполняются немедленно и обсуждению не подлежат. Но даже во время их недолгой встречи Крейн понял, что адмирал Спартан отличается от прочих. В нем чувствовалась бездна хладнокровия, необычная даже для адмирала. Крейн подумал о том, почему адмирал так на него посмотрел. Было нечто непроницаемое во взгляде темных глаз, что не давало предсказать следующий шаг Спартана.

Лифт плавно остановился. Дожидаясь, когда откроются двери, Крейн взглянул на часы. «Есть у них НПП или нет, но помощи нам, Боже, если там сердечный приступ», – подумал он. Все эти меры безопасности, минуты, потраченные на сканирования и проверки, могут стоить человеку жизни.

Опять раздался глухой шум, лязг отпираемых запоров. Шлюз открыли снаружи – там их встречала еще одна группа вооруженных военных полицейских.

– Доктор Бишоп? – спросил один из них. – Доктор Крейн?

– Да, это мы.

– Мы проводим вас в ремонтный ангар. Прошу следовать за мной.

Они быстро зашагали – двое солдат впереди и двое за ними. Феррара, приставленный адмиралом Спартаном, шел далеко позади. В обычных условиях Крейна разозлило бы такое обращение, но сейчас он был чуть ли не рад. «Острый психоз», – сказала Бишоп. Это означает, что человек полностью дезориентирован, может быть, в бреду, даже агрессивен. В таких обстоятельствах стараешься быть спокойным и уверенным, стремишься установить контакт. Но если пациент вышел из-под контроля, то самая важная задача – показать численное преимущество.

Они прошли несколько коридоров. Лаборатории и исследовательские отделения, мелькая, сменяли друг друга; так называемая зона ограниченного доступа на первый взгляд почти не отличалась от верхних уровней станции. По дороге им попадались люди; они группами по двое-трое бежали навстречу. И впереди Крейн уже слышал звуки, от которых во рту у него пересохло, а в жилах застыла кровь: где-то громко кричал человек.

Они нырнули в люк, и внезапно Крейн оказался в огромном помещении, чем-то напоминавшем пещеру. Он глупо заморгал, уже отвыкнув от больших пространств. Это была техническая станция и ремонтная зона подводных роботов, роверов, как назвала их Бишоп.

Здесь крики были гораздо громче – прерывистые, завывающие. Неподалеку группками стояли рабочие с побледневшими лицами, их оттесняла военная полиция. Дальше дорогу загораживали моряки и еще одна группа военных полицейских. Несколько человек говорили по рациям, другие смотрели вперед, в отсек с оборудованием у дальней стены. Оттуда и раздавались крики.

Вперед шагнула Бишоп, за которой следовали Крейн и четверо полицейских. Увидев, что они подходят, один из моряков пошел им навстречу.

– Доктор Бишоп, – произнес он в паузах между криками. – Я лейтенант Трэверс. Старший по званию офицер на месте происшествия.

– Расскажите, в чем дело, лейтенант, – попросил Крейн.

Трэверс посмотрел на него и перевел взгляд на Бишоп. Она едва заметно кивнула.

– Это Конрад Уайт, – сказал офицер. – Механик первого класса.

– А что с ним случилось? – спросил Крейн.

– Никто точно не знает. Говорят, последние два дня Уайт был какой-то мрачный, унылый, не похожий на себя. А потом, почти перед самым окончанием смены, он вдруг сорвался.

– Сорвался, – повторила Бишоп.

– Стал выкрикивать какие-то безумные слова.

Крейн взглянул за полицейское оцепление – туда, откуда раздавались вопли.

– Он агрессивен? Бредит?

– Да, бредит. Но не агрессивен. Кажется, он скорее... скорее в отчаянии, вот что. Говорит, что хочет умереть.

– Продолжайте, – попросил Крейн.

– Люди подошли к нему. Попытались его успокоить, помочь. И тогда он схватил одного из них.

Брови Крейна взлетели вверх. «Черт. Это плохо».

Девяносто девять процентов попыток самоубийства предпринимается, чтобы привлечь к себе внимание, в надежде, что кто-то поможет. Люди наносят себе травмы только для того, чтобы произвести впечатление на окружающих. Но когда появляется заложник, ситуация в корне меняется.

– Это не все, – тихо продолжал Трэверс. – Он взял брикет взрывчатки и детонатор.

– Что?

Офицер мрачно кивнул.

Рация лейтенанта пискнула, и он поднес ее к губам.

– Трэверс, – ответил он и выслушал, что говорят ему. – Хорошо. Ждите моего сигнала.

– О чем это вы? – спросила Бишоп.

Трэверс кивнул в сторону боковой стены, откуда на ангар смотрело затемненное окно поста управления.

– Там у нас снайпер, он пытается поймать цель.

– Нет! – вскрикнул Крейн и набрал в грудь воздуха. – Нет. Сначала я хочу с ним поговорить.

Трэверс нахмурился.

– Зачем вы пригласили нас сюда? – спросил Крейн. – Разве не для того, чтобы решить все мирным путем?

– После того как мы вас вызвали, он пришел в еще большее возбуждение. Когда мы объявляли тревогу, то еще не знали о взрывчатке.

– Ваш снайпер наготове? – настаивал Крейн.

Офицер ответил после паузы:

– Нет еще.

– Тогда у вас вообще нет повода не пускать меня.

Трэверс все еще колебался.

– Хорошо. Но если он станет угрожать жизни заложника или попытается взвести детонатор, придется его нейтрализовать.

Крейн кивнул Бишоп и медленно подошел к оцеплению. Аккуратно прошел через него. И остановился.

Футах в двадцати, в тени перегородки отсека, стоял мужчина в оранжевом комбинезоне механика. Его покрасневшие глаза слезились, по подбородку текла слюна и кровь. Комбинезон был в пятнах рвоты. «Отравление?» – как-то отстраненно подумал Крейн. Но человек не выказывал ни признаков боли в животе, ни паралича, ни других типичных симптомов.

Перед собой механик держал женщину лет тридцати, небольшого роста, со спутанными светлыми волосами, одетую в такой же комбинезон. Мужчина обхватил рукой ее шею,

и подбородок женщины, прижатый локтем Уайта, был задран кверху под неестественным углом. Женщина плотно сжимала губы и смотрела широко раскрытыми от ужаса глазами. В ее шейную вену упиралась длинная тонкая отвертка.

В другой руке Уайт держал брикет пластиковой взрывчатки и невзведенный детонатор.

Крик здесь звучал особенно громко, прерываясь только тогда, когда Уайт делал резкий булькающий вдох. Крейн понял, что в таком шуме сосредоточиться тяжело.

«Уговаривайте его, – гласили правила. – Успокойте его, потом лишите возможности двигаться». Легко сказать. Крейн однажды говорил с прыгуном-самоубийцей, стоя на растяжке моста Джорджа Вашингтона. Разговаривал с людьми, приставившими пистолет к своему виску или засунувшими ствол ружья себе в рот. Но беседовать с человеком, у которого в руках заряд пластита на десять гранат, ему еще не доводилось.

Крейн вдохнул раз, потом другой. И сделал шаг вперед.

– На самом деле вы этого не хотите, – сказал он.

Красные глаза мужчины метнулись на него и тут же – в сторону. Он продолжал кричать.

– Вы ведь этого не хотите, – повторил Крейн громче.

Он сам себя не слышал из-за крика.

Взгляд мужчины снова метнулся к нему. Он еще крепче притянул к себе заложницу и вдавил кончик отвертки в ее шею.

Крейн замер. Он видел, как умоляюще смотрит на него женщина, лицо которой превратилось в маску страха. Ему стало неуютно при мысли о собственной уязвимости – он стоит между оцеплением и человеком, который кричит, держит заложницу и брикет взрывчатки с детонатором. Доктор подавил порыв отступить.

Крейн стоял не двигаясь и раздумывал. Затем очень медленно сел на металлический пол. Снял ботинок, другой, аккуратно отставил их в сторону. Потом снял носки и тоже отложил их, тщательно расправив. А после он подался вперед, опершись ладонями в пол.

Проделывая все это, доктор ощутил, как что-то изменилось в помещении – наступила тишина. Крик прекратился. Уайт смотрел на него, все еще прижимая отвертку к шее женщины.

– Ты же не хочешь этого, – произнес Крейн терпеливым, рассудительным тоном. – Нет такой беды, которой нельзя было бы помочь. Что хорошего в том, что ты причинишь вред себе или другому человеку? Так ведь только хуже будет.

Уайт ничего не отвечал. Он смотрел, широко раскрыв глаза, и тяжело дышал.

– Зачем ты это делаешь? – спросил Крейн. – Что случилось? Как нам помочь тебе?

Уайт всхлипнул и болезненно сглотнул.

– Пусть перестанут, – сказал он.

– Что перестанет? – спросил Крейн.

– Звуки.

– Какие звуки?

– Эти звуки, – ответил Уайт шепотом, немного всхлипнув. – Эти ужасные звуки. Звуки, которые никак... никак не прекращаются.

– Давай поговорим о звуках. Мы могли бы...

Но Уайт опять начал всхлипывать, все громче и пронзительней. И снова закричал.

Крейн схватил себя за воротник рубашки и свирепо дернул вниз. Раздался громкий звук рвущейся ткани, со стуком посыпались пуговицы. Он снял разорванную рубашку и положил ее рядом с ботинками.

Уайт опять смотрел на него.

– Мы можем сделать так, чтобы эти звуки прекратились, – пообещал Крейн.

Прислушиваясь к его словам, механик начал всхлипывать.

– Но детонатор меня нервирует, – продолжал Крейн.

Плач стал громче.

– Отпусти женщину. Мы же не с ней будем бороться, а со звуками.

Уайт рыдал, слезы чуть ли не брызгали у него из глаз.

Крейн выжидал, когда можно будет назвать мужчину по имени. И решил, что пора.

– Конрад, отпусти женщину. Отпусти ее и брось взрывчатку. Мы тебе поможем. Заставим звуки замолчать. Я тебе обещаю.

Кажется, Уайт поддался. Он медленно убрал отвертку. Другая рука опустилась, и брикет с тяжелым стуком упал на пол. Женщина, рыдая, кинулась к оцеплению. Один из полицейских, притаившийся неподалеку, бросился вперед, подхватил взрывчатку и вернулся обратно.

Крейн тяжело вздохнул и медленно поднялся.

– Спасибо, Конрад, – сказал он. – Теперь мы тебе поможем. И заставим звуки прекратиться.

И сделал шаг вперед.

Увидев это, Уайт отступил. Дико завращал глазами.

– Нет! – воскликнул он. – Вы не можете это прекратить. Неужели вы не понимаете? Никто не сможет их прекратить! – И вдруг резким, неожиданным движением ткнул отверткой себе в горло.

– Стой! – закричал Крейн, рванувшись вперед.

Но еще на бегу с ужасом увидел, как отвертка входит в мягкую плоть шеи.

11

Когда Говард Ашер пришел в зал совещаний на восьмом уровне, адмирал Спартан уже был на месте. Он сидел за столом, положив ладони на полированное розовое дерево, и молча ждал, когда Ашер закроет дверь и устроится напротив.

– Я только что из палаты, – сказал Ашер.

Спартан кивнул.

– У Уайта глубокая рана на шее и большая кровопотеря, но состояние стабильное. Он выживет.

– Но вы бы не стали приглашать меня на срочную встречу для того, чтобы сообщить только это, – заметил адмирал.

– Нет, не только. Но и это тоже.

Спартан молча смотрел на ученого своими темными глазами, в которых ничего нельзя было прочесть. И в течение этой недолгой паузы Ашер ощутил, как старые подозрения ожили снова.

Наука и армия составляли странный союз. Начальник отдела научных исследований понимал, что «Глубоководный шторм» в лучшем случае можно считать браком по расчету. Ему и его сотрудникам очень нужна станция и бездонные запасы государственных средств, чтобы как можно быстрее провести раскопки. Адмиралу Спартану ученые и инженеры необходимы для того, чтобы спланировать работу, выполнить ее и оценить находки. Но недавние события привели к напряжению и без того не очень прочных связей.

Дверь тихо открылась и снова закрылась. Оглянувшись, Ашер увидел командера Королиса. Тот кивнул и молча сел за стол.

Ашер встревожился. Королис в его глазах стал символом всего того, что в этом проекте сделано неправильно, – секретности, дезинформации, пропаганды. Ашер решил, что накачаный седативными препаратами Уайт спит сейчас в палате медицинского пункта, иначе Королис сидел бы у койки пострадавшего, следя за тем, чтобы ни один человек без соответствующего допуска не узнал о происходящем ниже седьмого уровня.

– Продолжайте, доктор Ашер, – сказал Спартан.

Ашер откашлялся:

– Случай Уайта – последний и наиболее острый в недавней серии медицинских и психологических травм. За прошедшие две недели на станции отмечается пугающий рост количества несчастных случаев.

– Поэтому вы и пригласили Крейна.

– Я хотел пригласить нескольких специалистов, – ответил Ашер. – Диагноста...

– Один – и то уже большой риск, – произнес адмирал тихим ровным голосом.

Ашер тяжело вздохнул:

– Послушайте... Как только состояние Уайта нормализуется, мы должны отправить его наверх.

– Это не обсуждается.

Теперь к тревоге ученого стало примешиваться раздражение.

– Но почему?

– Вы знаете все причины не хуже меня. Это секретная станция, где проводятся особые исследования...

– Секретность! – воскликнул Ашер. – Конфиденциальность! Вы что, не понимаете? У нас серьезные медицинские проблемы. Нельзя просто игнорировать их, нельзя взять и замести их под коврик!

– Доктор Ашер, послушайте меня. – Адмирал Спартан впервые заговорил жестко. – Вы слишком волнуетесь. Здесь у нас есть прекрасно оснащенный медицинский пункт, укомплектованный опытным персоналом. Вопреки моему собственному мнению я уступил вашей просьбе привлечь дополнительные ресурсы, даже несмотря на, так сказать, пестрое прошлое Питера Крейна.

Но Ашер на эту удочку не попался.

– Кроме того, – продолжал Спартан, – я не вижу повода для паники. Удалось ли вам или доктору Крейну выяснить, в чем дело?

– Вы же знаете, что нет.

– Тогда давайте вести себя рассудительно. Многие ваши ученые не привыкли жить в таких условиях. Изолированные на станции, в тесных помещениях, в стрессовой рабочей обстановке... – Адмирал взмахнул мясистой рукой. – Раздражительность, бессонница, потеря аппетита – всего этого следовало ожидать.

– Не только ученые страдают, – возразил Ашер. – Страдают и военные. А микроинсульты? Аритмии? А Уайт?

– Речь идет лишь о малой части персонала, – заметил Королис. Это были первые слова, которые он произнес. – Здесь очень много народу, и происшествия неизбежны.

– Факты таковы, – подвел итог Спартан. – Обобщений вы сделать не можете. Сотрудники приходят с самыми разными жалобами – это часто бывает. Какую-то группу пострадавших тоже не выделить: люди работают на всех палубах и решают различные задачи. Кроме Уайта, других острых случаев не было. Простите, доктор Ашер, но это правда. Вывод: никакой чрезвычайной ситуации не наблюдается. Точка.

– Но... – начал Ашер.

И замолчал, увидев, какое выражение приняло лицо адмирала. «Ученым нет места в военных операциях, – вот что, кажется, говорило это выражение. – Ваше хныканье – только лишнее тому доказательство».

Он решил переменить тему:

– Есть еще кое-что.

Спартан вопросительно поднял брови.

– Сегодня утром ко мне заходил Пол Истон, морской геолог. Выяснилось, что мы ошиблись с датировкой.

– Какой датировкой? – спросил Спартан.

– С датой события.

Повисла пауза.

Спартан поерзал на стуле:

– Насколько?

– Очень сильно.

Королис медленно выдохнул сквозь зубы. Ашеру показалось, что шипит змея.

– Уточните, – произнес наконец адмирал.

– Основываясь на визуальном осмотре и прочих характеристиках, мы всегда предполагали, что катастрофа произошла десять тысяч лет назад или даже раньше. Истон слишком поверил в это допущение. Он не перепроверил датировку при помощи метода переманивания.

– При помощи чего? – переспросил Королис.

– Это метод идентификации вулканических пород на участке, – пояснил Ашер. – Чтобы не вдаваться в научные подробности, – он взглянул на Королиса, – скажу только, что один раз в довольно большой промежуток времени магнитные полюса Земли меняются местами. Северный полюс становится Южным и наоборот. Наша первоначальная оценка

возраста участка раскопок подразумевала, что он относится к последнему перемангничиванию. Но похоже, мы ошиблись.

– Как вы это выяснили? – спросил Спартан.

– Когда земная кора плавится, частицы железа всплывают и поворачиваются, ориентируясь вдоль линий магнитного поля. А когда порода остывает, они остаются в таком положении. Некоторым образом это как древесные кольца – выяснив, как сориентированы частицы, можно проводить оценку возраста геологических событий.

– Значит, – сказал Королис, – это место гораздо старше. Событие произошло два перемангничивания назад. Северный полюс тогда тоже был Северным?

– Верно. Но на самом деле событие произошло вовсе не так давно.

– Значит, вы обнаружили, что участок не такой древний, как вы считали, – заметил Спартан.

Ашер кивнул.

– Я так понимаю, раз вы пригласили нас сюда, то теперь можете назвать более конкретную дату.

– Я велел Истону выслать ровер, оборудованный самым лучшим магнитометром. Он может очень точно измерить смещение магнитного поля. В качестве отправной точки мы взяли образцы с места раскопок.

Спартан нахмурился и опять поерзал:

– И?..

– Участку не десять тысяч лет и не пятьдесят тысяч. Он появился всего шестьсот лет назад.

Воцарилось ледяное молчание.

Первым заговорил Спартан:

– Этот... это упущение как-нибудь скажется на наших шансах на успех?

– Нет.

Ашеру показалось, что он заметил мимолетное выражение облегчения, которое мелькнуло по лицу адмирала и тут же скрылось под маской обычной сдержанности.

– И каковы ваши выводы?

– Разве не очевидно? Событие из незапамятного прошлого переместилось в период письменных исторических источников.

– К чему вы ведете, доктор? – спросил Королис.

– К чему? Я веду к тому, что должны быть свидетели катастрофы. Должны остаться письменные сообщения.

– Значит, надо назначить исследователя, который этим займется, – сказал Спартан.

– Я так и сделал.

Спартан нахмурился:

– С соответствующей проверкой? И соблюдением секретности?

– Его анкета безупречна, он историк из Йеля. И не подозревает, для чего именно мне это нужно.

– Хорошо. – Адмирал встал. – Тогда, если у вас все, я предлагаю вам вернуться в медпункт и посмотреть, не сотворил ли доктор Крейн чудо диагностики?

Ашер тоже поднялся.

– Ему надо дать допуск, – тихо сказал он.

Брови Спартана взлетели вверх.

– Простите?

– Его надо ввести в курс дела. Дать доступ на уровни закрытой зоны. Полный доступ. И без вооруженного сопровождения.

– Доктор Ашер, это невозможно, – вмешался Королис. – Мы никогда не пойдем на подобный риск.

Ашер смотрел на адмирала:

– Крейну надо беседовать с пациентами, изучать их действия, искать векторы, выявлять возможные зоны влияния. Как он станет это делать, если мы заткнули ему рот да еще и завязали глаза?

– Я очень высоко ценю ваших специалистов, доктор Ашер, – мягко заметил Спартан. – И вам советую.

Ашер на миг замер, тяжело дыша, – он пытался взять себя в руки.

– Нам были даны полномочия, адмирал, – наконец сказал он хрипло. – И вам и нам – вместе вести работу на станции. Вместе. До этого момента я ни на чем не настаивал. Но если встанет выбор между секретностью и безопасностью станции, я тут же пошлю к черту всякую секретность. Вам стоит об этом помнить.

Ученый развернулся, распахнул дверь и вышел.

12

На «Глубоководном шторме» было два корта для сквоша; чтобы поиграть, приходилось записываться за три дня вперед. Крейн решил, что только благодаря влиянию Ашера им удалось выкроить полчаса времени, позвонив всего несколько минут назад.

– Я никогда бы не заподозрил в вас любителя поэзии, – сказал Ашер, когда они встретились на корте, – но что вы в сквош играете, это сразу видно.

– Наверное, все дело в моем телосложении, – ответил Крейн. – Или вы перечитали мое резюме.

Ашер рассмеялся, подбрасывая в руке маленький серый мячик.

Крейна не удивило, что Ашер захотел с ним встретиться. В конце концов, он уже на станции более тридцати шести часов, и теперь руководитель научной группы хочет узнать, как обстоят дела. Удивило только выбранное место. Но Крейн уже начал привыкать к тому, как действует Ашер: поддерживает дружескую и непринужденную атмосферу, но не дает понять, что нужны результаты, и причем немедленно.

Крейна это устраивало, и он был даже рад встрече, потому что ему и самому было о чем поговорить.

– Давайте разогреемся пару минут, – предложил Ашер и протянул мяч. – Подадите?

Крейн покачал головой:

– Начинайте.

Он следил, как Ашер посылает мяч к передней стене сильным, точным движением. Тогда он попятился, балансируя на цыпочках и ожидая возвращения мяча. Мяч отскочил, и Крейн ударил с лёта, целясь в дальний угол.

Несколько минут они играли молча, изучая мастерство, опыт, стратегию друг друга. Крейн считал, что Ашер старше его как минимум лет на двадцать пять, но практики у него, похоже, больше. Сам Крейн играл так себе – половина его ударов вылетала.

– Что такое с этим кортом? – спросил он наконец, поднимая мяч и перебрасывая его Ашеру.

Ученый уверенно поймал его рукой:

– А, вы заметили. Нам надо было учитывать планировку станции. Потолок дюймов на двенадцать ниже, чем требуется. Для компенсации мы сделали корт немного глубже, чем обычно. Мне надо было сразу сказать вам. Когда привыкаешь, то оказывается, что такие размеры тоже хороши. Ну что, еще потренируемся?

– Нет, давайте сыграем.

Крейну выпало начинать, он выбрал сторону и сделал подачу. Ашер ответил быстрым ударом в дальний угол, и пошла серьезная игра.

Они обменялись ударами, и Крейн не мог не оценить мастерство ученого. Сквош – это отчасти подвижный спорт, а отчасти шахматная партия, поединок умов, стратегий и выдержки. Ашер все время старался вести, а его мощная подача вдоль боковой стены заставляла Крейна постоянно быть настороже. Он-то думал, что травмированная рука ученого не даст ему играть в полную силу, но Ашер, кажется, научился пользоваться правой рукой не только для замаха, но и для сохранения равновесия. Еще не успев осознать, Крейн начал безнадежно проигрывать.

– Партия, – сказал наконец Ашер.

– Девять-четыре. Боюсь, не очень хороший результат.

Ашер весело рассмеялся:

– В следующий раз у вас получится. Как я и говорил, к необычному размеру в конце концов привыкаешь. Давайте, ваша подача.

Во второй партии Крейн обнаружил, что Ашер прав: привыкнув к более низкому и глубокому корту, он понял, что играть стало легче. Крейн провел несколько атак и смог послать мяч за пределы зоны подачи, заставив Ашера играть у задней стенки. Теперь он уже не просто концентрировался на приеме мяча, но и мог занять лучшую позицию. Игра затянулась, и ему удалось победить Ашера со счетом 9:8.

– Поняли, о чем я говорил? – спросил Ашер, тяжело дыша. – Вы быстро учитесь. Так мы с вами сыграем еще несколько раз, и вам придется искать более опытного партнера.

Крейн усмехнулся.

– Ваша подача, – сказал он, бросая мяч Ашеру.

Ашер поймал мяч, но подавать не стал:

– Как там Уайт?

– Он все еще на седативах. Коктейль из халдолоа и атавана. Против психоза и против тревожности.

– Я слышал, вы использовали весьма оригинальный способ уговорить его. Бишоп что-то говорила про стриптиз.

Крейн слабо улыбнулся:

– Человека в таком остром состоянии можно отвлечь, если его шокировать. Я сделал то, чего он никак не ожидал. И выиграл немного времени.

– У вас есть предположения, что с ним произошло?

– Корбетт сейчас составляет полный психологический портрет – насколько позволяет состояние пациента. Но диагноз мы пока поставить не можем. И это странно. Уайт совершенно адекватно разговаривает, даже несмотря на успокоительное. Но совсем недавно он был весь какой-то взвинченный и реагировал только на внутренние стимулы.

– То есть?

– Он был неуправляем, видел галлюцинации. А теперь забыл об этом. Не помнит даже тех жутких звуков, из-за которых с ним такое случилось. Свидетели и друзья говорят, что накануне замечали кое-какие странности, ведь обычно он был сдержанным. В анамнезе Уайта никаких психических расстройств нет. Думаю, вы и сами это знаете. – Крейн помолчал. – Я считаю, его надо вывозить со станции.

Ашер покачал головой:

– Увы...

– Если не ради Уайта, то ради меня. Мне уже надоели командер Королис и его подчиненные. Они день и ночь в палате, караулят Уайта, чтобы он не сказал чего не следует. Например, где на исследовательской станции можно взять брикет пластита.

– Боюсь, ничего тут сделать не могу. Как только вы выпишете Уайта, мне придется запереть его в комнате. Только тогда Королис отстанет.

Крейну показалось, что Ашер говорит с какой-то горечью. Ему не приходило в голову, что и руководитель научного отдела тоже страдает от пресса секретности на «Глубоководном шторме».

Он догадался, что Ашер только что дал ему намек – вряд ли у него будет другая возможность сказать то, что нужно. «Пора», – подумал Крейн. И набрал воздуха в грудь.

– Кажется, я начал наконец понимать, – заговорил он.

Ашер, который смотрел на мячик в своей руке, поднял глаза:

– Что?

– Зачем я здесь.

– Это ясно. Вы здесь для того, чтобы решить наши медицинские проблемы.

– Нет. Я хочу сказать, почему выбрали именно меня.

Начальник отдела научных исследований смотрел на него ничего не выражающим взглядом.

– Видите ли, сначала я не знал, что и думать. Я ведь не пульмонолог, не гематолог. Если бы рабочие страдали от кессонной болезни, то зачем приглашать меня? Но оказывается, что дело тут не только в этом.

– Вы так думаете?

– Я уверен. Получается, что в атмосфере станции нет ничего необычного или странного.

Ашер продолжал смотреть на него, но ничего не говорил. Крейн, глядя ему в лицо, спросил себя, не напрасно ли он затеял этот разговор. Но теперь, начав, надо выкладывать все.

– Я поместил одного из пациентов с ишемией в гипербарическую камеру, – продолжал он. – И знаете, что обнаружил?

Ашер по-прежнему не отвечал.

– Я обнаружил, что она ничуть не помогает. Но это еще не все. По датчикам камеры, атмосферное давление в норме – как внутри, так и снаружи. – Крейн выдержал паузу. – Получается, все эти разговоры о повышенном давлении, об особом составе воздуха – просто для отвода глаз?

Ашер стал разглядывать мячик.

– Да, – сказал он, помолчав. – И очень важно, чтобы вы ни с кем этой информацией не делились.

– Конечно. Но почему?

Ашер бросил мячик об пол, поймал и задумчиво стиснул в руке.

– Нам нужно было объяснить, почему никто не может сразу покинуть станцию.

– Значит, все эти разговоры об атмосфере, о долгом процессе акклиматизации и еще более долгой реабилитации – лишь отличная дезинформация?

Ашер еще раз кинул мячик об пол и зашвырнул в угол. Больше можно было не притворяться, что они играют.

– Все эти камеры, в которых мне пришлось сидеть, – имитация?

– Нет, они настоящие. Это рабочие декомпрессионные камеры. Просто все приспособления в них сейчас отключены. – Он бросил взгляд на Крейна. – Так вы говорили, что поняли, зачем вас пригласили.

Крейн сглотнул:

– Увидев показания гипербарической камеры, я сложил наконец два и два. Для того же, чем я занимался во время «Бури в пустыне»?

– Да, а кроме того, вы знаете, что случилось с подводной лодкой «Спектр».

Крейн удивился:

– Вам и это известно?

– Нет. Информация по-прежнему засекречена. Но адмирал Спартан знает. Ваши навыки диагноста, опыт работы с... со странными медицинскими ситуациями в очень тяжелых обстоятельствах – вот ваши настоящие плюсы. И раз из соображений безопасности Спартан согласился пустить на станцию только одного человека, то вы стали самой лучшей кандидатурой.

– Вот, опять секретность! Я никак не могу понять одну вещь...

Ашер вопросительно посмотрел на него.

– К чему все эти тайны? Что такого в этой Атлантиде, что нужно принимать столь суровые меры? И кстати, почему государство решило вбухать сюда столько денег, предоставить такое дорогое оборудование? Неужели для археологических раскопок? – Крейн взмахнул рукой. – Послушайте, одно только содержание станции обходится налогоплательщикам не меньше чем в миллион долларов в день.

– На самом деле, – тихо вставил Ашер, – сумма гораздо больше.

– По моему опыту общения с бюрократами из Пентагона могу сказать: они не очень-то интересуются древними цивилизациями. А такие агентства, как Национальная служба океанографических исследований, ходят обычно с протянутой рукой, выклянчивая крохи у правительства, – вы и сами знаете все это лучше, чем я. Но здесь у вас самое современное, самое засекреченное оборудование для проведения каких-то невероятных работ. – Он помолчал. – Да, вот еще что: станция обеспечивается энергией от ядерного реактора? Я повидал немало атомоходов, чтобы догадаться. А на моем бедже стоит радиоактивная метка.

Ашер улыбнулся, но ничего не ответил. Занятно, подумал Крейн, каким неразговорчивым стал человек в последнее время.

На миг на корте повисло напряженное, неудобное молчание. У Крейна имелась про запас еще одна бомба, самая большая, и он понял, что нет смысла беречь ее.

– В общем, я подумал обо всем этом, – заговорил он. – И единственный ответ, который приходит мне в голову: там, внизу, не Атлантида. А что-то другое. – Он посмотрел на Ашера. – Я прав?

Ашер задумчиво взглянул на него. Потом кивнул – едва заметно.

– И что там? – не унимался Крейн.

– Простите, Питер. Не могу вам ответить.

– Нет? Почему?

– Потому что, если я вам скажу, боюсь, адмирал Спартан прикажет вас убить.

Услышав такое, Крейн начал было смеяться, но посмотрел на Ашера и осекся. Потому что руководитель научных работ, всегда готовый повеселиться, на этот раз даже не улыбался.

13

У самых дальних границ Шотландии – за Скаем, за Гебридами – лежит архипелаг Сент-Килда. Это самая крайняя точка Британских островов, состоящая из грубо окатанных коричневых валунов, едва заметных в пене прибоя; мрачное, суровое, раздираемое морем место.

На самой западной точке Хирты, главного острова, над солеными водами Атлантики вздымается тысячефутовый гранитный мыс. На его вершине высится длинный серый Гримуолд-Касл, старый, хаотично выстроенный монастырь, предназначенный противостоять и дурной погоде, и катапультам; его окружает звезда каменных куртин из местной породы. Обитель была возведена в тринадцатом веке одним из монашеских орденов, искавших убежища и от гонений, и от секуляризации, все шире распространяющейся по Европе. Прошло несколько десятилетий, и в поисках уединенного места для молитв и размышлений о духовном к ордену стали присоединяться, спасаясь от духа разложения англиканских обителей, другие братья: картезианцы, бенедиктинцы. Обогатившись за счет пожертвований послушников, библиотека Гримуолд-Касла стала одним из самых крупных монастырских книжных центров в Европе.

Вокруг монастыря начали селиться рыбаки, обслуживая те немногие мирские потребности, которые монахи не могли удовлетворить сами. Слава обители ширилась, и помимо новых братьев там привечали и случайных путников. В период расцвета Гримуолд-Касла дорога пилигримов вела из средневековой богадельни через огороженную поляну, покрытую травой, прямо к воротам с подъемной решеткой в стене куртины, вилась вниз по крутому склону в деревушку, а оттуда путь лежал дальше, на Гебриды.

Ныне гостеприимная дорога пилигримов исчезла, и только кое-где редкие пирамидки из камней возвышались над таким же каменистым пейзажем. Деревенька рядом с монастырем обезлюдела несколько веков назад. Остался лишь монастырь, и его мрачный, исхлестанный штормами фасад по-прежнему смотрит на запад, на холодные воды Атлантики.

За длинным деревянным столом в главном зале библиотеки Гримуолд-Касла сидел посетитель. Руками в белых хлопчатобумажных перчатках он переворачивал пергаменные страницы старинного фолианта, для лучшей сохранности разложенные на льняном полотне. В воздухе плавала пыль, свет был тускловат, и посетитель немного шурился, чтобы разобрать слова. У его локтя высилась стопка других книг – иллюстрированные рукописи, старопечатные фолианты, древние трактаты, переплетенные в тисненую кожу. Примерно каждый час появлялся монах, уносил прочитанное гостем, перебрасывался с ним словом-другим и удалялся. Посетитель же то и дело отвлекался, чтобы сделать беглые заметки в блокноте, но с течением времени эти перерывы стали все более и более редкими.

Наконец, когда было уже далеко за полдень, в библиотеку вошел другой монах, который принес новую стопку рукописей. Как и его собратья по ордену, он был облачен в простую сутану, подпоясанную белым вервием. Он казался старше остальных и шествовал более размеренным шагом.

Монах прошагал по центральному проходу читального зала. Подойдя к столу посетителя – единственному занятому столу в зале, – он положил древние книги на белое полотно.

– Dominus vobiscum⁵, – сказал он с улыбкой.

Мужчина за столом встал:

– Et cum spiritu tuo⁶.

⁵ Господь с вами (лат.).

⁶ И с духом твоим (лат.).

– Пожалуйста, сидите. Вот еще рукописи, которые вы просили.

– Вы очень любезны.

– Мы только рады. Нынче, увы, ученые навещают нас очень редко. Похоже, мирские блага теперь ценятся выше, чем просвещенный разум.

Мужчина улыбнулся:

– Или поиски истины.

– Что часто одно и то же. Хорошо сказано. – Монах достал из складок сутаны мягкую тряпицу и любовно протер старые книги. – Вас зовут Логан? Доктор Джереми Логан, профессор средневековой истории в Йеле?

Гость посмотрел на него:

– Да, я доктор Логан. Но сейчас в академическом отпуске.

– Сын мой, не бойтесь, я не шпионю за вами. Я – отец Бронвин, настоятель Гримуолд-Касла. – Вдохнув, монах сел у дальнего конца стола. – Во многих смыслах это тяжелая работа. Вы, наверное, думаете, что такой старый монастырь, как этот, не страдает от внутренней бюрократии и мелких дрызг. Но, сказать по правде, дело обстоит наоборот. Мы находимся так далеко от центра, жизнь наша проста и скромна, а новые послушники появляются у наших ворот крайне редко. Сейчас здесь меньше половины от того числа насельников, что было еще пятьдесят лет назад. – Он опять вздохнул. – Но есть в моем положении и утешительные стороны. Например, я руковожу всеми библиотечными и библиографическими делами, поскольку, как вы знаете, собрание Гримуолд-Касла остается нашей единственной и самой главной ценностью – прости, Боже, мою страсть.

Человек по имени Логан едва заметно улыбнулся.

– И я, конечно, в курсе всех приездов и отъездов из нашего монастыря, особенно если дело касается столь высокочтимых посетителей, как вы. Ваши рекомендательные письма произвели глубокое впечатление.

Доктор Логан склонил голову.

– Я не мог не заметить, что к вашей заявке на посещение нашей библиотеки был приложен план путешествия.

– Да, это я проглядел. Я занимался исследованиями в Оксфорде, и мне пришлось поспешно уехать. Боюсь, бумаги перепутались. Я вовсе не хотел хвастаться.

– Конечно. Я не это имел в виду. Но я не мог не удивиться, узнав, сколько разных мест вы посетили за свой короткий отпуск. Как я помню, это Сент-Уорвикс-Тауэр в Ньюфаундленде?

– Да, это к югу от Баттл-Харбор, на побережье.

– А потом вторая остановка. Аббатство Рот.

Доктор Логан кивнул еще раз.

– О нем я тоже слышал. Мыс Фарвел, Гренландия. Расположено почти так же уединенно, как и мы.

– Но их библиотека – древняя и очень большая – посвящена в основном местной истории.

– Еще бы. – Настоятель склонился над столом. – Надеюсь, вы простите мне мою невоспитанность, доктор Логан, – как я уже говорил, у нас в последнее время бывает столь мало гостей, что я, увы, подрастерял навыки светского поведения. Но видите ли, больше всего в ваших поездках меня удивляет, сколько времени вы отвели на каждую. Все места обладают богатыми библиотеками, которые вознаградят за недели трудов. И любое требует изрядного времени и денег, чтобы до него добраться. Однако, судя по вашему плану, сегодня лишь третий день вашей поездки. Что вы ищете, доктор Логан, что заставляет вас передвигаться с такой скоростью и вынуждает вас на такие траты сил и денег?

Доктор Логан кашлянул, чтобы прочистить горло, и посмотрел на стол:

– Как я уже говорил, отец Бронвин, маршрут путешествия оказался среди рекомендательных писем по чистому недосмотру с моей стороны.

Отец Бронвин отодвинулся от стола:

– Да, конечно. Я любопытный старик и вовсе не хотел ничего у вас выведывать. – Сняв очки, он краем сутаны протер стекла и снова надел очки на нос. Потом положил руку на переплетенные в телячью кожу тома, принесенные им в зал. – Вот книги, которые вы просили. «Светские истории» магистра Битона, появившиеся примерно в тысяча четыреста сорок восьмом году, «Хроники» Колкахуна, вышедшие на сто лет позднее, и, конечно, «Полиграфия» Тритемиуса.

Произнеся последнее название, настоятель слегка вздрогнул.

– Благодарю вас, святой отец, – сказал доктор Логан, кивая и провожая взглядом уходящего настоятеля.

Через час пришел монах-библиотекарь, забрал рукописи и книги и получил письменную заявку Логана на другие. Через несколько минут он вернулся, неся стопку старых томов, и бережно опустил их на хрустящий холст.

Доктор Логан положил книги перед собой и руками в белых перчатках перелистал их одну за другой. Первый из томов был на среднеанглийском, второй – на вульгарной латыни, третий – плохой перевод с аттического диалекта, известного как койне. Ни один из языков трудности для Логана не представлял, профессор легко читал тексты. Однако, продолжая свою работу, он становился все более мрачным. Наконец он отложил последнюю книгу, поморгал и потер поясницу. Три дня поездок по забытым богом местам, три ночи сна в продуваемых сквозняком комнатах из холодного камня давали о себе знать. Он обвел взглядом огромный зал со сводчатым потолком в романском стиле и узкими окнами, в которых светились примитивные, но очаровательные витражи. Сквозь них пробивалось послеполуденное солнце, покрывая пол пятнами разноцветной мозаики. Монахи по своей традиции дадут ему ночлег – в конце концов, на много миль вокруг другого пристанища нет, как нет и дорог, по которым можно уехать. А утром его заберет арендованный катер и отвезет на главный остров... а потом? И с внезапной слабостью Логан понял, что не знает, куда теперь ехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.